

Светлана Глинская

ПОКА ГОРИТ ОГОНЬ...

Светлана Глинская
Пока горит огонь... (сборник)

«Десятая Муза»

2016

УДК 82-31
ББК 84

Глинская С.

Пока горит огонь... (сборник) / С. Глинская — «Десятая Муза»,
2016

Сборник прозы Светланы Глинской. Публикуется в авторской редакции.

УДК 82-31
ББК 84

© Глинская С., 2016
© Десятая Муза, 2016

Содержание

Пролог	6
1	7
2	10
3	16
4	21
5	27
6	30
7	34
8	41
9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Светлана Глинская

Пока горит огонь... (сборник)

...Когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе.

А. Чехов, «О любви»

Не устаю познавать себя. Очень интересно!

С. Васильева

*...И в замкнутом кругу сплетающихся трасс
Вращение земли перемещает нас.*

Ю. Левитанский, «Сон об уходящем поезде»

© Корнеева Светлана, 2016

© Издательство «Десятая Муза», 2016

Пролог

Ника стояла у окна и смотрела на пестрые осыпающиеся осенние листья, слушала меланхоличное завывание дышащего в редющей листве ветра, мелким сквозняком пытающегося пробиться в оконные щели.

Сегодня воскресенье, замечательный и светлый погожий день! Можно позабыть о будничной спешке, налить в любимую чашку свежесваренный ароматный кофе (ей было известно одно уютное местечко, где можно купить хороший кофе) и, расположившись в удобном кресле – ее ровеснике, задуматься, скажем, о превратностях судьбы, вдоль и поперек, серьезно и с юмором проторив думками что-нибудь, всплывшее из анналов памяти. Как прекрасен этот мир, посмотри!

Да что говорить! Разве Ника не билась в попытках сориентировать себя в хаосе давнего и недавнего прошлого, живя в своем настоящем и не теряя надежды на светлое (простите за банальность) во всех смыслах этого слова будущее?

Впрочем, хаос того, что уже успело стать – пусть и недавним, но всё же – прошлым, остался позади: всё встало на свои места. К такому выводу она вдруг пришла в ту минуту, и мысль эта весьма понравилась ей своим чудесным, положительным посылом, пришлось даже постучать (так, на всякий случай) по деревянному подлокотнику кресла, предварительно трижды сплюнув на голову бесу-искусителю, согласно легенде сидящему на левом плече, и, возможно, огорчить его этим поступком.

Нынешнее же – вне сомнений! – радует сердце и врачует душу, вселяя свет и умиротворение, что постепенно, миг за мигом, капля за каплей, пядь за пядью замещают отчаяние и пустоту, что жили в нем длительное время.

Посмотреть за окно – вот радость! В мире царит осень, прекрасная пора... Сразу вспоминаются строки великого русского поэта, и другие, созвучные, его талантливых современников. Как легка и великолепна осень в любом своем обличье! – и ненастно-пасмурном, с хмуро-дождливым оттенком, постукивая тоненькими пальчиками дождя по клавишам настроения, насквозь пронизывая ветром состояние души и мыслей; и солнечно-ясном и прозрачном, обволакивая пряными запахами прелой земли и листвы, шуршащей под ногами... Осень, манящая приподняться над землей и раствориться в этой парящей легкости, и кажется – стоит только взмахнуть руками, словно крыльями, и вот-вот оторвешься от земли!

Ника улыбнулась.

Нахлынули воспоминания.

1

Та осень была уже глубокой, стылой, притихшей перед неотвратимо надвигающейся сонной суровостью зимы. Ранние сумерки с каждым днем всё быстрее поглощали догорающие ноябрьские дни, окутывая город с неровно мерцающим светом уличных фонарей и светящихся витринами мерзлой ветреной темнотой. Машины ползли плотным потоком по Садовому кольцу, отчаянно сигналив, пытаясь влиться в окрестные улочки, дабы сократить путь к месту назначения... Ежедневная картина жизни жителей мегаполиса.

Ника помогала девятилетнему сыну Ванюше осилить домашнее задание по английскому языку, когда дверной звонок пронзительной трелью заполнил пространство квартиры, нарушив ее тишину и продолжая напористо звенеть, заливаясь соловьем. Направив мысли ребенка в нужное русло и оставив его справляться с работой самостоятельно, она поцеловала его в макушку и устремилась в прихожую, нащупала выключатель и, включив настенный светильник, висящий возле входной двери, открыла ее.

На пороге стояли ее муж Антон с приятелем, о чем-то громко споря и отчаянно жестикулируя. Лицо и облик приятеля мужа показались ей знакомыми... Внезапное воспоминание явилось ярким, как вспышка: она видела его несколько лет назад, лишь однажды и мельком: в тот день он пробыл в их доме несколько минут и вскоре, торопясь куда-то, ушел.

Да-да, это именно тот человек; геолог по образованию, он был тренером мужа по рукопашному бою и одновременно, так сказать, по совместительству, преподавателем одного из московских вузов. Всё это моментально возникло откуда-то из недр памяти Ники вместе с мыслью, пришедшей к ней тогда, и вдруг вернувшейся снова, сейчас: «Весьма разносторонний молодой человек. Как любопытно распоряжается порой судьба нашими жизнями...»

Мимолетным кивком головы она поприветствовала вошедших, рассеянно кивнувших ей в ответ и по-прежнему увлеченных диалогом, и, продолжая размышления, направилась сервировать стол к ужину в маленькой, но уютной шестиметровой кухоньке.

Кухонные посиделки она помнила еще с младых ногтей. В той, не существующей ныне, канувшей в Лету стране, где ей довелось родиться и вырасти, друзей и знакомых было принято встречать именно на кухне, что являлось своего рода символом уюта, весьма способствующего душевным дискуссиям и навевающим романтические нотки.

Расставляя тарелки и зажигая свечи в старинном кованом подсвечнике в форме розы, подаренном бабушкой, Ника поглядывала на разгулявшуюся за темным окном непогоду.

Еще один ноябрьский вечер... Ветер, дующий сильно, порывами, раскачивает висящие над Садовым кольцом дорожные знаки; редкие деревья жалобно и обреченно машут промокшими насквозь ветвями. Тоскливо и холодно; то ли дождь сыплет, то ли снежная крупка метет...

Она не услышала, как ребята вошли в кухню. Обернувшись, внезапно встретила глазами с гостем.

– Познакомься, – обратился к Нике Антон, указывая на него. – Это Николай. Возможно, ты помнишь его... А это – моя жена.

– Добрый вечер! Меня зовут Николай, – вошедший с улыбкой кивнул Нике.

– А я – Ника. Здравствуй... те... – улыбнувшись в ответ, Ника смотрела в серые глаза Николая, обладающие какой-то притягательной для нее силой.

– Я очень рад, – ответил он, не отрывая взгляда от ее фиалково-синих очей, распахнутых ему навстречу.

* * *

... Бывает так, что глаза людей, глядящих друг на друга, одновременно вспыхивают внутренним светом, и некое вещество невидимым облаком заволакивает обоих, отделяя от прочих присутствующих. И с этим ничего нельзя поделать.

Именно это и произошло с Колей и Никой в тот памятный вечер. И светлой была радость, возникшая внезапно, сродни неповторимому ощущению, поднявшемуся откуда-то из душевных глубин. Словно оба они, долго и безнадежно растрчивая силы, бредя по дну глубокого ущелья без дороги, неожиданно вышли к обетованным берегам полноводной реки, по обеим сторонам которой до самого горизонта расстилались бескрайние поля, усеянные прекрасными цветами с плывущим в вечернем воздухе ароматом, наполняя трепещущие сердца ожиданием счастья.

Колокол смолк вдалеке.
Лишь ароматом цветов вечерних
Отзвук его плывет.

Что явилось первопричиной написания волшебных строк, что двигало пером М. Басё, когда он создавал этот шедевр, – неспешное ли созерцание, муки любви или что-то еще, необъяснимое и уже навеки сокрытое покровом времени?.. Как бы там ни было, именно это хайку способно наиболее ярко описать то божественное ощущение радости, охватившее обоих.

Ника поняла, что в ее жизни начался новый виток.

* * *

... Вечер прошел, как говорят в таких случаях, на «ура»: с искрометным юмором, в легком, веселом настроении, с разговорами ни о чем, шутками и смехом, незаметно сменившись темной и ветреной ноябрьской ночью, в которую Ника с мужем и проводили уехавшего от них гостя.

– А вы, кажется, понравились друг другу, – иронически хмыкнув, заметил Антон после ухода Николая.

Ника мыла посуду.

– Он интересный человек, как мне показалось, – задумчиво возразила она и, удивленно приподняв брови, добавила: – Уж не ревнуешь ли ты?

– Ты же знаешь – мне всё равно, – прозвучал ответ.

– А мне показалось... – Она обернулась к мужу.

– Перекрестись – перестанет казаться, – скользнув по ее лицу насмешливым взглядом, перебил Антон и рассмеялся резким, отрывистым смехом. – К тому же через пару месяцев он уезжает в командировку, надолго, – добавил он словно между прочим. – Мы были еще в дороге, когда он упоминал об этом.

Ника снова посмотрела на мужа. «Не всё равно», – краем сознания подумалось ей; возникло ощущение, будто сказанным Антон пытается оградить ее от этого человека, не пуская ее к нему даже мысленно; впрочем, его нарочито равнодушное лицо и поведение доказывали обратное. Ведь Ника была для него своей, а своя территория – это святое, и в правилах мужчины ее «застолбить», очертить границы, а уж там видно будет.

– Ну, что же... Значит, так тому и быть. Пусть едет, – вздохнув и улыбнувшись своим мыслям, ответила Ника.

Это было уже не столь важно: у нее словно открылось второе дыхание и прибавилось сил для продолжения пути. Это было внове и удивительно.

Пусть даже *его* не будет рядом – Ника была молода, а посему твердо убеждена в том, что расстояние и время уже не способны порвать ту невидимую для глаз нить, связавшую их воедино.

* * *

...Позже, через некоторый временной промежуток, когда их тянущиеся друг к другу души будут впитывать благодатный бальзам долгих телефонных разговоров, Николай мимоходом скажет:

– Ведь ты талантлива, Ника! А талантливый человек, я уверен, талантлив во всем. Попробуй писать стихи, у тебя получится!

– Ты думаешь? – ласково и недоверчиво спросит она.

– Я уверен, – мягко и тихо ответит он.

И она станет писать, сплетая кружева слов в безмолвии вынужденной разлуки с ним, говоря с ним через свои стихи и через написанные от руки письма, которые часто (и безответно) будет посылать ему, раскрывая свои мысли и делаясь ими с его чуткой и отзывчивой душой.

2

Прошлое лепит настоящее, закладывая основу будущего, и это не поддается сомнению; отрешившись от него, являющегося неотъемлемой частью жизни каждого из нас, так же неразумно, как неразумно пренебрегать накопленным жизненным опытом.

Что могла в то время рассказать о себе молодая женщина, мечтающая о нормальной семейной жизни и женском счастье, будучи немислимо одинокой рядом с мужем, живя к тому же в его семье?

Лес лопочет у окна
в полудреме.
Женщина живет – одна
в чужом доме.
Дом не брошен, не забит.
Войди в сени —
и почувствуешь: забыт,
забыт всеми...¹

Да ведь у многих похожая жизненная ситуация – ни лучше, ни хуже. Вот только люди-то разные, и у каждого – собственное восприятие мира, мысленное соотношение себя и пространства вокруг, наполненного другими людьми с их проблемами, радостями, горестями; тем не менее, субъективность здесь достойна нашего пристального, неослабного внимания.

Ника любила жизнь, несмотря на меланхоличность своей натуры, преобладающую над всплесками бьющей порой через край энергии и внутреннего восторженного состояния, которые, впрочем, ей удавалось прятать под маской созерцания и спокойной улыбкой; и всё же хотелось (а подчас и вполне получалось) радоваться всему, что окружает, каждый миг подмечая чудесные моменты жизни, ее красоту, которая призвана спасти человечество, несмотря на возникающие отчаянные его попытки воспрепятствовать этому процессу.

С раннего детства Ника занималась музыкой, любовь к которой прививала ей мама – чуткий, тонкий, удивительно душевный человек. Игра на фортепиано доставляла радость; Ника ощущала душевную легкость, когда из-под пальцев лилась мелодия, наполняя сердце чудесными ассоциациями; ей казалось, она не только исполнитель, но и словно бы автор этих звуков, проникающих в нее, словно обновляя.

Она очень любила своего отца, замечательного, доброго и великодушного человека, который был способен понять и поддержать дочь во всем, как никто другой. С его легкой руки она научилась азам игры на гитаре, к помощи которой зачастую прибегала в дальнейшем. К тому же нередко она бывала душой компании, исполняя под гитарный аккомпанемент негромким голосом с приятным мягким тембром музыкальные композиции, несущие в себе для людей нескольких поколений способность окрылять и согревать душу.

Она черпала вдохновение в классической музыке и литературе, ища в них одухотворения, а подчас и утешения, таким образом, помогая себе не потерять связь с тем чудесным миром, что существовал в прежние времена; впрочем, если говорить о классической музыке, заслушивалась она не только ею, но и теми великолепными мелодиями-современниками, что, подобно редким семенам культурных растений среди бескрайних полей сорняков, проникают в самое сердце, трепетно прорастая там и расцветая волшебными цветами.

¹ Ю. Левитанский, «Лес лопочет у окна...» (здесь и далее – прим. автора).

Как творческий человек, Ника вращалась в анналах собственного внутреннего мира, слушая себя изнутри, да и внешний мир рассматривала, пропуская через мыслительные фильтры, обдумывая всё, что видела и слышала, и неважно, касалось ли то или иное действие непосредственно ее жизни, или же она оказывалась сторонним наблюдателем, вольным или невольным. Тем не менее столь частое курсирование внутрь себя и обратно, а также стремление к саморазвитию не слишком мешали ей уделять внимание близким, с которыми она делила свое существование, и выполнять всё то, что от нее требовалось. Иными словами, живя во власти необходимости, она была человеком-тружеником «на поприщах»: делала самые прозаические дела, по мере сил и настроения пытаясь наполнить их смыслом.

Ее спокойствие было полно неясной тревоги, бередящей душу и не дающей сердцу впадать в летаргию. Истоком наблюдательности, свойственной ее характеру, был пытливый и ясный ум с неутомимым стремлением утолить его потребности. Ей было несвойственно легкомыслие; будучи ответственным человеком, она относилась к жизни весьма серьезно, но не без юмора, который органично вплетался в ткань повседневности, и которым она щедро делилась с окружающими людьми. Ведь, как известно, юмор – традиционный помощник людей, не просто имеющих мозги, но пользующихся ими по назначению, то есть способных к синтезу и анализу обширного потока жизненной информации, в которой, как показывает опыт, никогда не бывает недостатка.

Впрочем, от банальности происходящего вокруг и вынужденного в этом участия иной раз накатывала гнетущая тоска, выливавшаяся в острое ощущение никчемности бытия, что окрашивало в безнадежно серый цвет череду дней и месяцев, проходящих, казалось, зря. Мысль о том, что так живет подавляющее большинство, погрязшее в проблемах и барахтающееся в них, словно в болоте, не видя белого света, не согревала вовсе.

Серость же и пошлость, бич нашего уклада жизни (по А. П. Чехову, гениальнейшему русскому писателю XIX века, произведениями которого Ника зачитывалась с ранней юности, неизменно возвращаясь к ним в разные периоды жизни), шагая рука об руку, словно врисовывались в лица, растворялись в событиях, не минуя закоулки времени, что течет в бесконечность подобно песчинкам, струящимся из верхней колбы песочных часов наших судеб в нижнюю, – неотвратимо и неизменно.

«... Жизнь люблю, но нашу жизнь, (...) русскую, обывательскую – терпеть не могу...»² – и всё же, сублимируясь в надежды и мечты, что должны непременно сбываться (а иначе – какой же во всем этом смысл?!), жизнь виделась Нике прекрасным фрегатом, легко скользящим по спокойной водной глади в лучах восходящего солнца. Он грезился входящим в гавань в свете солнечных лучей рано утром, на заре, качаясь на легких волнах и блистая шелком белых парусов, вздувающихся порывами ветра, неся свет душе и радость сердцу; получалось же иначе: фрегат был темен и разбит, кренился на один борт, расчерченный пробоинами, скрипя старыми переборками, и вечерние волны омывали мрачные стены его бортов, щедро захлестывая через края, покрывая пенными всплесками грязную палубу, черные рваные паруса полоскались на ветру... Он входил в вечернюю гавань сумрачным видением, и сердце сжималось от этого зрелища, и замирала душа.

«Неужели это и есть мой жребий, моя судьба?» – размышляла Ника, отчаянно пытаясь найти выход. В попытках этих, впрочем, она была не одинока: многие ищут себя, проживая дни один за другим, но в наших ли силах изменить установившийся порядок своей жизни? Да и возможно ли это?..

Ожидание лучшего свойственно живой человеческой душе, оно рождается и присутствует в крови и плоти сродни надежде, что всегда рядом, поддерживая человека в любой момент пути; главное – никогда не забывать об этом природном свойстве двух человеческих

² А. Чехов, «Дядя Ваня».

качеств. Ника явственно понимала это, принимая как данность то, что невозможно изменить, но снова и снова возвращаясь к попыткам «взбить лапками масло», невольно проводя параллель с поступком импонирующего ей персонажа русской народной сказки. Так поступает множество людей, ищущих свое «я» в бесконечной временной спирали жизненного пространства, делая мысленные попытки откорректировать это пространство с помощью эмоций, ибо по-другому оно не поддается никакой корректировке, даже несмотря на имеющую место теорию о материальности мысли. Не являясь фаталисткой, Ника подобные идеи всё-таки не отторгала, «вылавливая» их из происходящего и услышанного и примеряя к некоторым событиям собственной жизни, и нередко (но, впрочем, и нечасто) они оказывались очень кстати, словно из той же оперы.

Аналогичны истоки связующих звеньев между людьми, волею судеб представленными друг другу: многое ясно в первый момент знакомства, даже не знакомства – взгляда, непроизвольно синтезирующего на уровне мыслей-полутонов некую образную оценку одним человеком другого; в этот неповторимый момент, когда ничего еще не сказано и не сделано, тембр молчавшего доселе голоса не уловлен на слух, улыбка не встречена взглядом, мимика не изучена, – иначе говоря, никакого посыла пока что нет – лишь восприятие друг друга на весьма тонком, подсознательно-сенсорном уровне. Но: первое восприятие является основополагающей деталью дальнейшего общения, разумеется, при условии, если оно следует из данного знакомства, переводя *количество в качество*. Другими словами, искра или не искра, но некий момент истины в подобных встречах, вне всякого сомнения, присутствует.

Определение значимости событий, важных и не очень, зависит большей частью от того, какое место им отводит человек в собственной жизни; при этом любое, мало-мальски незначительное на первый взгляд событие может иметь самые непредсказуемые последствия, отражающиеся не только на судьбе человека, но и на судьбах тех, кто его окружает. Ведь в жизни любого из нас ничто не пролегает само по себе, изолированно от всех прочих вещей; обычно связующие звенья просты и самоочевидны, но порой совершенно неощутимы и незаметны, как, например, стечение обстоятельств, приведшее Николая в дом Ники, что повлекло за собой дальнейший ход событий.

* * *

Взаимоотношения Ники с мужем складывались весьма непросто. Ни злым, ни глупым человеком Антон не был. Его целеустремленность относительно задуманных планов всегда имела место, даже несмотря на то, что некоторые из этих планов, к слову сказать, менялись в его голове с завидной регулярностью, и – что удивительно! – каждый раз он верил в необходимость их реализации с одержимостью человека, нисколько не сомневающегося в своей правоте (и это было бы неплохо, обладай его характер хотя бы малой толикой лояльности и гибкости – качествами, столь необходимыми в повседневной жизни). Вместе с тем это был человек весьма специфичный, что выражалось практически во всем: в словах, поступках, высказываемых мыслях, в совершенно иных, нежели у Ники, взглядах на различные аспекты жизни.

Антон и Ника были слишком разными – Ника видела и понимала это. Но молодость струилась из сердца и окутывала мир ярким светом надежд, поэтому ей казалось, что всё можно изменить, если есть желание менять и меняться, всё объяснить, если есть слова у одного и уши у другого, и обо всем договориться, если есть конструктивный диалог.

Ведь в конечном итоге подавляющее большинство хочет одного и того же – быть счастливыми, а значит, цель у людей одна. Только вот правда у каждого своя, и понятие «счастье» порой сильно разнится, витиеваты и цели его достижения... К вящему сожалению (а может, и – к счастью), подобные тонкости жизни неведомы молодым в силу их возраста, а значит, не могут быть учтены в поиске решения вопросов из контекста жизненной философии, когда речь

идет о взаимоотношениях между людьми, являющихся самой сложной наукой из всех тех, что есть на нашей земле.

Ребята были ровесниками; они поженились, едва им исполнилось по девятнадцать лет. Нельзя сказать, что это была любовь – скорее, случайное стечение обстоятельств и следствие столь же случайно принятого решения.

Они пересекались в институте, учась на одном потоке, много общались, встречали друг друга на студенческих вечеринках. Это было безоблачно счастливое время. В определенный момент Антон завладел вниманием Ники, и как-то незаметно их общение перетекло в нечто большее: возникли два взаимодействующих полюса – заинтересованность Ники и влюбленность Антона. На предложение Антона стать его женой Ника согласилась легко, не особенно задумываясь о последствиях такого решения.

Как бы там ни было, многие всё же прочили двум юным студентам скорый развод, ибо молва людская твердит о чреватости ими ранних браков; впрочем, покамест они жили под одной крышей. Дальнейшие же события оставались в руке божьей.

Надо сказать, что в семье Ники разводов не случалось, и ей хотелось надеяться, что замужество ее продлится всю жизнь, а значит, любые неровности, возникающие в отношениях с мужем, нужно сглаживать. Единственным, о чем она пока не подозревала, выходя замуж в безоблачно-юном возрасте, был тот факт, что возникающие в процессе совместной жизни шероховатости подлежат сглаживанию непременно обоими супругами, что «игра в одни ворота» в семейной жизни невозможна, ибо отношения несут в себе каждодневный кропотливый труд для обеих сторон. Если их «тащит» только один из данной пары, а второй живет так, как ему удобно, прислушиваясь только к себе, своим чаяниям, желаниям и настроению, то они обречены. И это – лишь вопрос времени.

Вскоре после окончания института, повинуясь естественному стремлению, Ника родила мальчика, назвав его Ванюшей – отчасти в честь своего дедушки, отчасти потому, что ей нравилось это имя: ни иноземной вычурности, ни режущего слух буквосочетания в нем не было. Ванюша был желанным ребенком, и, не будучи осведомленной о поле малыша, растущего внутри нее, исподволь Ника чувствовала: сын. Дочку, разумеется, она любила бы столь же трепетно, но Бог дал сына, и Ника была счастлива.

Всю любовь она отдавала Ванечке, вплотную занимаясь его воспитанием. Ей хотелось делать всё разумно и правильно, она прилагала массу усилий для того, чтобы мальчик вырос здоровым, мудрым, стал настоящим человеком. Ведь это самое важное – всегда, в любой ситуации, оставаться человеком. Ника не жалела для этого сил, и сынок подрастал, радуя маму.

* * *

Время шло.

Нельзя сказать, что совместная жизнь супругов протекала гладко. Ника не могла припомнить ничего подобного, несмотря даже на то, что начинался их путь вдвоем весьма оптимистично: случались хорошие моменты, как в любой другой семье, были и радужные планы относительно будущего, тогда еще туманного и отдаленного. Но вскорости всё ушло, канув в небытие и оставив после себя недоумение, пустоту и каждодневную рутину. Отношения были лишены не только остроты чувств и взаимопонимания; в них не было также уверенного спокойствия в завтрашнем дне и стремления к гармонии в дне сегодняшнем. К тому же юноша, ставший мужем молодой девушки, сделав необдуманно этот шаг и не будучи вполне зрелым для подобного поступка, а будучи скорее одиночкой по натуре, не считал нужным душевно сблизиться со своей женой, при этом невольно, но явно отторгая ее многочисленные попытки уравновесить колеблющийся маятник их взаимоотношений.

Позже, спустя время после расставания, когда у каждого из них будет другая жизнь, он всё-таки признается Нике, что многого не понимал в юные годы, и что всё у них, возможно, сложилось бы иначе... Но мысль эта не несла в себе ни капли сожаления, скорее напоминая некую мгновенную вспышку, минутное отступление от его пути, столь нехарактерное для его персоны, всегда уверенной в правоте собственной точки зрения относительно чего бы то ни было.

Иными словами, основополагающим, некой отправной точкой, можно считать свершившийся факт того, какой человек тебе достается, и как складываются ваши отношения; всё это во многом зависит от случая и от тысяч последствий неосознанного выбора, так что никому на свете никакими разговорами не удастся исправить того, что с самого начала пошло наперекосяк.

Связующее звено в виде общих интересов отсутствовало: каждый давно жил, в сущности, своей жизнью. Год от года для Ники всё загадочней и непостижимей становилась причина их женитьбы во времена оные, так же, как и совместного сосуществования ныне. В этом их точки зрения, как ни странно, совпадали. Жили уже по инерции, странной жизнью – вдвоем, но словно поодиночке. Ее многочисленные попытки воззвать к мужу, повлиять на всё происходящее с ними оканчивались ничем, натываясь на стену его непонимания, безразличия и нежелания идти навстречу. В какой-то момент она ясно осознала: у мужа никаких чувств попросту нет. Он не любит ее и, скорее всего, не любил никогда. Чувство же долга и ответственность он трактовал по-своему, весьма своеобразно: в моменты отчаяния у Ники возникало ощущение полнейшего их отсутствия с его стороны, что поначалу безмерно ее удивляло и очень расстраивало, и она снова и снова делала попытки своими отчаянными усилиями исправить эту пагубную для них обоих ситуацию.

Позже, с годами, она не без горечи осознала невозможность этих перемен, целиком уйдя в воспитание ребенка. Ей удалось внутренне сжиться со всем этим, постигнув и приняв для себя простую, но грустную истину: невозможно ничего изменить в человеке, пока ему самому этого не захочется. Они с Антоном не могут (и впредь не смогут никогда) служить друг другу дополнением в жизненных коллизиях и быть опорой в неудачах и несчастьях. Этот вывод являлся следствием разницы в стремлениях и взглядах на жизненные приоритеты, что внушало Нике чувство страшной безнадежности. Но мудрая народная поговорка «Худой мир лучше доброй ссоры», испокон веков сохраняя в себе прежний глубокий смысл, подтверждала свою правоту день ото дня множеством примеров и никогда не давала сбоев, и Ника всегда старалась поступать соответственно оной, понимая, впрочем, что для нее это – не выход, и надеясь на позитивные (но пока еще неясные) изменения в собственной судьбе.

Душевная неустроенность всё же выматывала и опустошала. Неотступно Нику преследовало ощущение: тратя впустую безумное количество времени и энергии, как небезызвестный дон Кихот, она сражается с ветряными мельницами; или, подобно Сизифу, она вынуждена совершать бесплодную, бессмысленную работу; или она топнет в болоте и не может из него выбраться, а оно вот-вот поглотит ее целиком, без надежды на спасение; или она бьется, как рыба – об лед; или... Какими еще эпитетами и сравнениями можно охарактеризовать состояние усталой от одиночества, живущей, словно в вакууме, отчаявшейся женщины? Те, кому знакома подобная ситуация, поймут ее; тем же, кто с нею не знаком, весьма непросто описать тот спектр внутренней борьбы, которой не видно конца, да и начало затерялось где-то в будничной рутине, и упущен момент, когда был предпринят, возможно, неверный шаг, совершена какая-то ошибка, и можно было что-то изменить...

Человек способен усвоить по большому счету лишь те уроки жизни, которые прошел сам, прочувствовал на собственной шкуре, а не уловил понаслышке – в виде, скажем, интересной и вполне убедительной истории, с фактами и выводами – от кого бы то ни было. Мы учимся, как правило, на собственных ошибках – такова, за редким исключением, человеческая сущность.

Мы приходим в этот мир одинокими, и одинокими – в положенное время – покидаем его. Но в течение жизни каждому хочется встретить близкого человека, почувствовать тепло его сердца, заботу, и непременно заботиться самому, разделяя друг с другом тяготы жизни, без которых существование наше попросту невыносимо, иными словами, стать опорой другому. В глубине души мы очень одиноки, но всегда стремимся к общению, в конечном итоге страшась остаться в одиночестве: ведь это противоречит человеческой природе. Людям трудно жить в нелюбви, в равнодушии – от этого можно погибнуть.

Слово «измена» не несло для Ники реального смысла, хоть и было покамест эфемерным понятием. Оно подразумевало ту неистовую страсть, которая могла бы отвлечь ее от мужа, или, что вероятнее всего, некие отношения иного порядка, когда, помимо чувственности, людей связывает нечто большее и могучее.

Но... картина ее семейной жизни развивалась, увы, по иному сценарию. Давно минув этап холодной натянутости, отношения супругов были тусклыми и бессодержательными. Новизна близости между ними, надежды и мечты, жившие довольно долго в сердце Ники, – всё было безнадежно утрачено. Оставалось обыкновенное сосуществование, некоторым образом напоминающее совместное проживание людей в коммунальной квартире, с той лишь разницей, что супруги пересекались не только в так называемых «местах общего пользования», но и на прилегающей к ним территории квартиры; к тому же иногда их связывали заботы о сыне.

Ника была слишком одинока; одиночество, как известно, ранит... Излишне говорить, как непомерно страдала ее душа от равнодушия, отчуждения и непонимания, не имея сил и возможности примириться со своим положением.

Приход Николая в их дом совпал с моментом безраздельного отчаяния Ники. Когда их пути пересеклись, Ника невольно, но явственно осознала возможность позитивных изменений в собственной судьбе, вероятность стать услышанной другим, близким человеком, надежду на счастье.

Ей казалось, Николай – хороший, светлый и бесспорно надежный человек, могущий поддержать ее в трудную минуту, в непростое время ее жизни, в темные дни душевной смуты. Ей было достаточно того, что он есть, что оба они живут под небом одного города, дышат одним воздухом, и он, возможно, думает о ней... а значит, она уже не одинока. Душу ее согревала мысль о светлых и прекрасных отношениях, которые могут случиться с ними, и тогда всё переделается и переменится и непременно будет хорошо; в ее голове разрастался целый мир, состоящий из расплывчатых фантазий... Она чувствовала в себе силы стать для него маяком в столь непростой жизни, словно в бушующем море, полном подводных камней и опасностей, и душа ее, подобно цветку, раскрывалась ему навстречу.

* * *

Впоследствии Николай будет называть ее своим Лучиком, он станет говорить: «Ты – мои глаза в мир красоты», «Ты – мой Лучик Света, и навсегда им останешься, что бы ни случилось», и Ника в такие моменты будет спокойна и счастлива.

3

Между тем минул год.

Что сие – мгновение ли, вечность? Как обозначить, чем измерить его?

Для Ники события этого года смело можно назвать своеобразной прелюдией к грядущим переменам, ожиданием, полным надежды и света, томления души и щемящей легкой грусти; причину последней она улавливала скорей интуитивно, нежели понимала ее истинные корни.

Иными словами, каждодневные события, неприметные по сути своей и не стоящие порой внимания, внесли свою несомненную лепту в события дальнейшие, сполна отыграв отведенные им роли. Впрочем, основная роль их сводилась к тому, что, соблюдая жизненную хронологию среди прочих, они стали своеобразными ступеньками к глобальным изменениям в дальнейшей судьбе Ники. Ведь кажущаяся беспричинность многих поступков является лишь следствием человеческой недальnozоркости и непроницательности; любой порядок вещей или ход событий непременно имеет свою, порой таинственную, подоплеку, вызывающую у людей недальновидных ту степень недоумения, которая нередко граничит с удивлением, и всё это занимает обособленную весомую нишу в характеристике людских эмоций.

Итак, прошел год.

Снова подступала зима.

* * *

Та зима была морозной и снежной. Температура воздуха держалась между двадцатью и тридцатью градусами по Цельсию со знаком минус, что совсем не характерно для бесснежной и слякотной городской зимы с ее стылými, пронизывающими насквозь ветрами и мелкой крупкой, метущей с серого, свинцово-тяжелого неба. Оно нависало белесой дымкой, клубящейся ближе к горизонту, откуда каждое утро выплывало неяркое зимнее мглистое солнце, поглощаемое этой же дымкой каждый вечер по другую – западную – сторону горизонта в виде каменных джунглей. Иногда погода радовала жителей города прозрачной голубизной неба и ярким солнечным светом (мороз и солнце – день чудесный!). В такие дни мороз был особенно неумолим, но благодаря природному оптимизму людей, радостно смотрящих в чистое небо, с наслаждением вдыхающих свежий морозный воздух и жмурающихся от ярких лучей долгожданного солнышка, лучистое настроение преобладало.

Ника любила зиму. Среди своих знакомых и друзей она была единственной, кто от души наслаждался любой зимней погодой, и никто не мог в полной мере разделить с ней эту любовь, за исключением, конечно же, любителей мороза и солнышка. Яркие воспоминания детства, зимних каникул, проводимых у бабушки и дедушки, оставили в ее душе светлый след.

Как прекрасно было то время, когда она вместе с девчонками и мальчишками летела с горы на санках, визжа от восторга и с трудом дыша от тугого, ледяного ветра, который, казалось, пытался скинуть ее с санок, делая попытки перевернуть их на ходу; когда слепящее солнце било прямо в глаза, и ничего не было видно, а снег искрился, словно драгоценности, щедро рассыпанные волшебными руками деда Мороза и Снегурочки, в которых ей долго хотелось верить – и она верила, а родители, не сомневаясь в этом, полагали: дочка и не догадывается, что это – вымышленные персонажи.

Теперь, по прошествии стольких лет, Ника с теплом вспоминала то счастливое время, и эти воспоминания, словно целебный эликсир, поддерживали ее во взрослой и совсем другой жизни, которую она проживала сейчас.

Во время рождественской недели благодаря новому увлечению поэзией Ника была приглашена на творческую встречу, проводимую ежегодно в рамках широко известного литературного интернет-журнала, существующего не только в России, но и далеко за ее пределами. Она посетила такую встречу впервые, познакомившись с весьма неординарными людьми, интересными и приятными в общении, людьми творческой среды, каждый из которых без ложной скромности нес в себе самобытный талант. Пишущая братия делилась друг с другом творческими планами, интересно и много говорили, пели песни под гитарный аккомпанемент, и это общение произвело на Нику большое впечатление, подстегнув ее к продолжению творческого процесса. Стоит заметить, что она не считала себя большим поэтом, да, конечно же, им и не являлась, но всё же была не лишена способностей, с помощью которых ей удавалось создавать свои творения, подавляющее большинство которых, без ложной скромности, виделось ее читателям в талантливом свете, за что она была безмерно благодарна судьбе.

После подобных вечеров, интереснейших и многогранных, Нику охватывало недоумение, когда она вновь попадала в среду простых обывателей, не способных отличить Рембо от Рембó, не знающих ни строчки стихотворений Бродского или Ахматовой (которую, к слову сказать, из-за созвучия фамилий – Ника слышала это собственными ушами! – некоторые, с позволения сказать, индивидуумы путали с Чингизом Айтматовым, и возмущению Ники не было предела), бездумно едящих и пьющих... – иными словами, живущих той простой, неприятной и примитивной жизнью, создающей полновесное впечатление ненужности знаний, где, казалось, не требовалась воспитанность, где были чужды такие понятия, как нравственные задачи, идеи и вкусы. Впрочем, Ника осознавала не вполне справедливый факт огульных обвинений в примитивизме, но это были мысли, соответствующие данному моменту; ведь любой вывод подобного рода, основанный на некоей среднеарифметической величине, никогда не бывает абсолютным. К тому же, как утверждала ее близкая подруга, незнание не является пороком; истинный порок – агрессивное невежество.

Жизнь не стоит на месте: всё течет, всё изменяется, как верно отметил в своем великом труде (к вящему сожалению, целиком не дошедшем до наших времен) философ Гераклит. Середина января была ознаменована неожиданным и печальным семейным событием, случившимся в момент отсутствия мужа Ники, который отбыл на неделю к морю, взяв с собою Ванечку: умерла бабушка Антона, жившая с супругами под одной крышей, и Нике пришлось незамедлительно взять на себя хлопоты, связанные с похоронами.

Эта смерть была не первой в ее жизни, она теряла близких людей и раньше, и всё же событие это опечалило ее, в который раз напомнив о неизбежности смерти. Но сквозь подавленное состояние из ее души пробивался лучик жизни, яркий незыблемый огонек, горевший ровно и тепло, огонь душевной молодости и силы, огонь надежды.

Надо сказать, что в мрачных заботах принял участие и Николай, любезно предложив ей, растерявшейся, свою помощь.

Вторая половина января, помимо обычных жизненных коллизий, несла в себе дату, являющуюся поворотным моментом дальнейшего течения жизни Ники. Жизнь любого человека, впрочем, изобилует поворотными моментами, только люди не всегда могут разглядеть их и понять их предназначение.

Так случилось, что Николай и Ника договорились о встрече.

Прежде они ни разу не встречались вот так, друг для друга. Как до, так и после возвращения из длительной командировки Николай время от времени приезжал в дом мужа Ники, когда тот приглашал его для обсуждения совместных дел. Он не торопился уходить, стараясь бывать в этой семье подолгу, дабы иметь возможность побыть рядом с женщиной, о которой думалось, к которой невольно стремился.

Ему хотелось смотреть на нее и слышать, любоваться теплым сиянием ее прекрасных глаз (никогда ему не доводилось видеть таких глаз), жестами и нежной улыбкой, чуть трогав-

шей красиво очерченные губы и формирующей ямочку на левой щеке, к которой (он много раз ловил себя на этой мысли) мучительно хотелось прикоснуться губами; исподволь наблюдать хлопоты по дому, когда она готовит, с любовью ухаживает за цветами, буйно цветущими и зеленеющими молодыми побегами под ее руками; помогает сыну выполнять школьные задания, когда это необходимо, или занимается другими каждодневными делами. Пару раз он даже забирал Ванюшу из школы, когда Ника, смущаясь, просила его об этом, поскольку не могла вырваться раньше с работы, а Николай не возражал и – она знала – как раз располагал соответствующим временем, и других вариантов для решения данной проблемы у нее попросту не было.

Ника обращала внимание на его взгляды, они смущали ее, волновали и... радовали, да и не могли не радовать: ведь истинной женщине всегда приятно мужское внимание, в частности, если внимание это выливалось в подобное немое обожание, словно Николай имел в глазах Ники статус тайного поклонника, в сущности, им и являясь. Иными словами, он пользовался жизненными обстоятельствами, не слишком способствуя им, отчетливо понимая, впрочем, что только игрой воображения и чувств можно добиться себе места в сердце женщины.

Их телефонные разговоры, случающиеся, к слову сказать, нечасто – пару раз в месяц – стали для нее отдушиной в рутине повседневной жизни. Они разговаривали подолгу, бывало, по нескольку часов кряду или ночь напролет, и только под утро, с наступлением нового дня, когда приходила пора собираться на работу, Ника, попрощавшись с Колей и бережно положив возле себя трубку, вмиг превращавшуюся в безжизненно замерший кусок пластмассы, пыталась унять восторженность сердца, вызванную впечатлениями от разговора. После такого общения ее день всегда начинался легко.

* * *

Инициатором той первой памятной встречи стал Николай. Это случилось в один из вечеров, когда, обсуждая по телефону различные жизненные аспекты, ребята коснулись темы дружбы в отношениях между людьми.

Николай утверждал, что испытанная и прочная, иначе говоря – настоящая дружба для него – понятие священное, и по определению такая дружба возможна главным образом между мужчинами. Он аргументировал это тем фактом, что в данных взаимоотношениях (в том, разумеется, случае, если это самые что ни на есть настоящие друзья, а не просто приятели) исчезающе малую толику составляют причины, поднимающие, скажем, агрессивно-соревновательный дух; при этом между друзьями почти не возникает зависти, ревности и сопернических побуждений, в случае же их появления гораздо проще найти общее решение и нивелировать проблему. А еще они намного легче идут навстречу друг другу в каких-либо важных вопросах, и понимают друг друга лучше, в отличие от женщин, обремененных вышеперечисленными характеристиками в полной мере в силу психологических и эмоциональных особенностей. Ника соглашалась с ним лишь отчасти, уверяя, что и между женщинами может иметь место священная дружба, не раз описанная писателями-классиками, несмотря на некоторые отличия от дружбы мужской, являясь, вне всяческих сомнений, настоящей и очень ценной для тех, кто связан этими узами. Достаточно вспомнить неоспоримую истину: друзей выбираем мы, а лучших оставляет время.

Николай поделился с Никой рассказом о своем лучшем друге, об их знакомстве, о рождении и укреплении этой дружбы, о том, что их связывало и связывает поныне, насколько хорошо они понимают друг друга, и Ника мысленно пожелала познакомиться с этим замечательным человеком, чтобы иметь представление о лучшем друге своего наперсника. Потом, в свою очередь, тоже поделилась с Николаем вариациями женской дружбы на примерах из жизни знакомых, а также и своей. Николай был весьма рад, что женщина, которой он симпатизирует,

умеет дружить, что у нее такие светлые и теплые отношения с подругами; и, словно между прочим, он произнес тихим голосом:

– У нас с тобой тоже *отчасти* дружеские отношения, – слово «отчасти» он выделил секундными паузами, – так почему бы нам не встретиться и не поговорить? Благодаря тебе я узнал столько интересного! Мне хочется смотреть на тебя, когда ты говоришь, а еще – когда молчишь...

Нельзя сказать, что это предложение застало Нику врасплох. Признаться, уже не однажды она размышляла о подобном варианте развития событий, мысленно примеряя его к своей жизни, понимая, что ей, как и Николаю, этого тоже очень хочется. В какие-то моменты совершенно отвлеченно – просто так, ради самой этой фантазии – она принималась мечтать о том, куда они могли бы пойти, где побывать, что увидеть, какими впечатлениями поделиться друг с другом, да и просто побыть вместе, глядя друг на друга... В этот момент она притормаживала свою фантазию, не позволяя себе даже мечтать о том эмоционально-чувственном вихре, способном закружить их обоих, и о том, что может из этого выйти. Мечтая и размышляя, в то же время она понимала: если они решатся на встречу, она, как бы то ни было, ознаменует собой новую эпоху их взаимоотношений. Ника хотела этого и страшилась тех изменений, что естественно и неминуемо должны будут последовать.

Немного помолчав, неожиданно для себя она ответила:

– Почему бы и нет... Давай выберем время и встретимся.

Вымолвив это, она почувствовала, что балансирует над пропастью, но так, словно это происходит во сне и вовсе не опасно, словно она защищена чем-то или кем-то свыше – незримым, но близким.

– Я очень рад, – Николай улыбался – она чувствовала это. – Что ты делаешь завтра во второй половине дня?

– Я занята в основном в первой его половине, – размышляла вслух Ника, – поэтому... – она запнулась, – практически ничего. Ну, разве что за исключением некоторых мелких текущих дел, которые вполне можно отложить на «потом», – окончила она свою мысль, сформулировав, таким образом, желание встретиться с ним.

– В таком случае я буду ждать тебя завтра в шесть часов вечера в центре зала твоей станции метро. Тебе это удобно?

– Вполне.

– Значит, договорились?

– Да, конечно. Мы с тобой куда-нибудь пойдём?

– Мы решим этот вопрос при встрече, ладно, Никуш? Я буду ждать столько, сколько нужно – до тех пор, пока ты не придешь.

Окончание последней фразы Ника едва услышала – так тихо его произнес Николай.

– Я приду, – так же тихо повторила она.

– Тогда до завтра. Доброй ночи и хороших снов.

– Доброй ночи...

* * *

Надо ли говорить, что всю ночь Нике не удалось сомкнуть глаз. Вступив в тревожный мир опасений, надежд, угрызений совести, бесконечно – до самого рассвета, едва забрезжившего за окном, – она размышляла, сомневалась, испытывала чувство вины, волновалась, делая попытки разрешить извечный вопрос «быть или не быть», вставший перед ней ныне столь отчетливо.

Наступило утро, не запоздав ни на миг. Неспешной поступью в свой черед оно привело девушку в некое равновесие мыслей и чувств, несмотря на ночные душевные мытарства, кото-

рые, казалось, будут длиться вечно. Сделав традиционную двадцатиминутную зарядку и приняв для бодрости контрастный душ, она в задумчивости побрела пить любимый кофе с кардамоном, являющийся обязательным ежедневным пунктом ее утреннего ритуала, несмотря на многочисленные советы не делать этого каждый день. Кофе – напиток бодрости и хорошего настроения, во всяком случае, он всегда оказывал на общее состояние и самочувствие Ники именно такое влияние, а посему она традиционно и регулярно прибегала к этому проверенному временем средству.

Немного взбодрившись, она занялась запланированными делами, мысленно пребывая по-прежнему в тех же пенатах, что и накануне ночью и, наконец, откровенно признавшись самой себе, что, как бы то ни было, она хочет этой встречи и не смеет теперь отказаться от нее – даже мысленно. Она отправится туда, где Николай будет ждать ее. А потом... будет то, что должно случиться. И, как бы там ни было, она сделает всё от себя зависящее для воплощения своей мечты в реальность.

4

Николай ждал Нику в условленное время. Он пришел раньше назначенного срока и, достав книгу, углубился в чтение, мгновенно отрешившись от столпотворения и суеты, которых не переносил совершенно. Он умел защитить себя от внешней агрессии, неминуемо наполняющей пространство с большим скоплением людей. Собственный внутренний мир был для него священным, он никогда не терял контроля над собой, своими желаниями и чувствами. Этому его научила жизнь, или лучше сказать так: этому он научился у жизни.

У него было много друзей. Его мнением дорожили, с ним считались. Он нравился женщинам; они, подобно виноградной лозе, листьям, гроздьям, оплетали его, пытались завладеть его сердцем. Многим из них хотелось найти способ перевести непринужденность взаимоотношений в серьезность его намерений, но пока никому этого не удавалось. А он шел по жизни, словно странник, не задумываясь о будущем, живя днем сегодняшним. Он был доволен своей жизнью, но словно чего-то ждал.

Встретив Нику, он почувствовал вибрацию в солнечном сплетении. Этой женщине, при всей ее скромности и романтической, словно из позапрошлого века, недоступности, неожиданно ставшей в какой-то момент средоточием его стремлений, удалось мгновенно завладеть его вниманием и помыслами, постоянно возвращающимися к ней. Он стал мечтать, представляя ее то нежной и страстной в его объятиях, то недоступной и словно отрешенной, пытаясь уловить биение ее сердца в такт со своим. Ему хотелось растворить ее в себе без остатка, но он понимал, что может не справиться с собой, что это – серьезная игра, в отличие от прочих, тех, что шли сквозь его жизнь, практически не задевая ее, порой даже не оставляя следа.

Она часто снилась ему. Во сне он слышал ее мелодичный, нежный голос, ее смех, звучащий сквозь печаль, которую всеми силами хотелось отвести, загородив ее собой от невидимого врага, что словно ждет своего часа... Ее глаза, говорившие больше, чем могут выразить слова, заставляли трепетать его сердце, он тонул в них, усилием воли заставляя себя возвращаться в действительность, в реальную жизнь – ту, в которой она пребывала отдельно от него, в своем кругу забот и надежд, в попытках выстроить ее так, как умеет.

Но... ничто не случайно. Памятуя об этом, он понял: надо действовать, и – будь, что будет.

* * *

Ника не любила опаздывать, согласно поговорке считая точность вежливостью королей, и ей не нравилось, когда это делали другие.

На этот раз усилием воли она все-таки заставила себя немного задержаться – буквально на пару минут, на большее ее попросту не хватило. Постояв возле входа в метро, глубоко вдохнула морозный воздух и подняла голову – взглянуть на низкое зимнее небо, нависающее темным куполом над вечерней Москвой (черная бездна... звезды... восторг!). Потом глянула на часы. Пора.

Она спускалась по эскалатору. Постепенно перед ней разворачивалась картина гудящего людского муравейника: люди непрерывно сновали туда и сюда. Был четверг, время подходило к часу пик, когда народу в общественном транспорте бывает особенно много; людская масса продолжала прибывать, потоками стремясь по своим делам во всевозможных направлениях.

Память Ники ярко и отчетливо запечатлела момент, когда ее ищущие глаза разглядели Николая, стоящего в зале возле центральной колонны. Он ждал, читая книгу, и, глядя на его позу, становилось ясно, что пришел он раньше назначенного срока.

Внезапно он поднял голову от страницы. Его глаза удивительным образом мгновенно отыскивали ее в толпе, вспыхнув радостью и затаенной страстью, которые усмирила нежность. Его лицо словно просветлело. Наверное, и у нее было такое же лицо...

– Здравствуй. Я очень рад тебя видеть, – негромко проговорил Николай подошедшей Нике.

– Здравствуй. Я тоже рада, – ответила она с легкой улыбкой.

Ее глаза восторженно и смущенно обшаривали его лицо.

– Сегодня довольно холодно, настоящая зима! Ты, наверно, уже успел здесь согреться?.. Давно ждешь меня?

Николай слегка пожал плечами, не отрывая взгляда от ее глаз.

– Минут пятнадцать, может, чуть больше... Не знаю. Это неважно.

Он смотрел на Нику словно замороженный, а она пыталась «поймать» и осознать необычный момент своей жизни, дабы запечатлеть его в памяти, ведь встреча эта – первая для них, и только для них, как некое овеществление мечты, которое только что случилось...

Помимо сильного взаимного притяжения, их связывало множество тем, обсуждаемых в телефонных разговорах (им всегда не хватало времени, чтобы наговориться, они превосходно слышали и понимали друг друга, находясь, как говорят в подобных случаях, «на одной волне») и письмах, которые Ника писала ему, поэтому неловкого молчания не возникло. Кроме того, накануне встречи и предшествующего ей разговора о дружбе в разных ее проявлениях ребята обсуждали тему существования во времена оные атлантов и лемурийцев, согласно множеству версий живущих ранее на нашей планете. Ника как раз и везла для Коли обещанную книгу, подаренную ей на одном из творческих вечеров самим автором (сделавшим к тому же дарственную надпись), где тот обстоятельно и с увлечением раскрыл данную тему.

– Мы ведь можем еще поговорить? – с надеждой спросил Николай, устраивая в папке книгу, переданную Никой. – Я надеюсь, ты располагаешь временем?

– Конечно. Куда мы можем пойти? – твои предложения! – откликнулась она. Ей тоже не хотелось так скоро расставаться с ним.

– На улице сильный мороз – не слишком удачное время для прогулок, – Николай пожал плечами. – А здесь неловко как-то, шумно. Может быть... поедем ко мне? Ты увидишь, как я живу, мы побудем вместе, хоть несколько минут...

Это приглашение было озвучено им не впервые. Ему действительно хотелось побыть с ней, увидеть воочию и услышать вживую, а не через пластмассу телефонной трубки, или находясь в доме ее мужа. Прежде – то ли в шутку, то ли всерьез – очень ненавязчиво, но так, чтобы Ника могла утвердиться в этом решении и, будто бы самостоятельно приняв его, сделать этот шаг, Николай предлагал ей приехать к нему; возможно, он приучал ее к мысли, что когда-нибудь это должно случиться.

Она медлила, прекрасно понимая, что от ее вердикта зависит всё, что будет происходить с ними отныне, что этот эпизод – решающий; хотя, в конце концов, как ей тогда казалось, всегда и всё можно повернуть вспять – даже реки порой поворачивают вспять свои русла, иной раз и усилиями людей.

Да, можно повернуть вспять всё, кроме времени. Она была уверена в этом. И она согласилась. Ребята, не сговариваясь, взялись за руки и вбежали в уже закрывающийся двери вагон поезда.

* * *

Выйдя на нужной станции, Коля с Никой направились к остановке автобуса. Коля жил в некотором отдалении от метро; он посетовал на крепчавший вечерний мороз, могущий застудить его прекрасную спутницу, сожалея еще и о том, что сегодня не сможет по этой же причине

показать ей аллею сказочных зимних деревьев, любуясь которой, они могли бы прогуляться пешком до его дома.

Николай жил на первом этаже типовой блочной многоэтажки. Когда они вошли в подъезд, он кивнул в сторону висевших на стене почтовых ящиков.

– Я очень жду твоих писем. Почти всегда безошибочно угадываю, когда подхожу к своему ящику, еще не успев открыть его, есть там письмо от тебя или нет: от него словно тепло идет...

Открыв дверь квартиры, он пропустил Нику вперед. В тот же миг в прихожую выбежал мальчик лет четырех. Увидев постороннего человека, ребенок остановился, как вкопанный и, чуть повернувшись к двери, из которой выбежал, прокричал тоненьким голосочком, в котором сквозило неприкрытое удивление:

– Мама! Здесь еще какая-то женщина! – чем вызвал у Коли и Ники, оторопевшей поначалу, приступ неудержимого смеха: так трогательно, открыто и непосредственно прозвучало это восклицание в устах малыша.

– Очень хорошо, – донеслось из комнаты в ответ. – Иди сюда, не мешай.

Коля погладил мальчишку по светленькой кудрявой голове и произнес с ласковой улыбкой:

– Это мой племянник.

– Привет, малыш! Как поживаешь? – Ника подмигнула ему.

– Хорошо... – смущенно засопев, проговорил мальчуган.

– Я живу с сестрой и ее семьей, – пояснил Николай, помогая Нике снять шубку и бросившись на поиски подходящей для нее домашней обуви.

– Тетя, пойдем, я покажу свои игрушки! – Ребенок доверительно смотрел на Нику.

– Пойдем, посмотрим, что у тебя есть интересного, – она взяла малыша за руку, которую он протянул ей, и вознамерилась следовать за ним.

– Не надо, – тихо сказал Николай.

Ника оглянулась, вопросительно посмотрев на него.

– Вот моя комната, – поспешил он добавить. – Проходи, пожалуйста.

Мальчик сразу же выпустил ее руку и мгновенно скрылся за соседней дверью. Ника была удивлена и озадачена, но не подала виду. Она кивнула Николаю и вошла в комнату, куда он жестом приглашал ее. Он вошел следом, плотно прикрыв за собой дверь.

Комната Николая, в которой оказалась Ника, была весьма необычно оформлена. Здесь преобладали вкрапления японской тематики: акари,³ теплый, рассеянный свет которой дарил глазам мягкость и умиротворение; два шкафа в коричневых тонах с раздвижными дверьми, занимающие пространство от пола до потолка, эскизы которых (что выяснилось чуть позже) Николай сам рисовал и собирал; японский меч катана, стоящий в углу на подставке; низкая кровать со светильником в изголовье, письменный стол, на котором царил аскетический порядок. Кроме того, внимание Ники привлекли несколько висящих на стене гравюр в соответствующем стиле. Оформление пока не было завершено, пояснил Николай; ему еще предстояло над всем этим поработать.

Ника обратила внимание на заметный слой пыли, покрывающий предметы в комнате. Николай, поняв и проследив ее взгляд, вполголоса заметил:

– Я намеренно не стал вытирать пыль, чтобы не стирать уют и сохранить энергетику моего маленького мира. Чтобы ты почувствовала его. Чтобы тебе здесь понравилось и захотелось приехать снова.

– У тебя очень уютная комната, – Ника обернулась к Николаю. – И я абсолютно уверена, что приехать к тебе снова я уже хочу...

³ Акари – японская лампа из бумаги Седзи, натянутой на бамбуковый каркас.

* * *

Это был волшебный, незабываемый вечер – с горящими свечами, этнической музыкой, благовониями и ароматным чаем «Ройбуш» с земляникой, который Коля наливал в светлые глиняные пиалы, заварив в маленьком японском чайничке с костяной ручкой, и было тепло и уютно вот так пить чай, обхватив ладонями пиалу, словно напитывая ее содержимое своей энергетикой. Еще он приготовил жареный рис, и Нике понравился его необычный вкус – она никогда не пробовала такое специфичное блюдо.

Коля показал ей свои рисунки и наброски. Их тематика была разнообразна: человеческие фигуры, натюрморты, пейзажи. Ника даже не подозревала, что он так хорошо рисует. У него было вполне классическое видение мира; но вместе с тем в свои творения он вносил что-то особенное, самобытное, какую-то неуловимую изюминку собственного восприятия окружающего, и это было здорово. Вне всякого сомнения, он был творческим человеком, видевшим глубже и чутче многих других, умеющим разглядеть и понять немалую толику многослойности и многоликости нашего мира, на что способен далеко не каждый.

Беседа текла легко и свободно, общение было понятным с полуслова; за небольшой промежуток времени они обсудили множество тем. Обоих не покидало удивительное ощущение, что они нашли друг в друге не только слушающих и слышащих собеседников, но обрели, наконец, и самих себя.

Их тянуло друг к другу; понимая, что эта встреча подтолкнула обоих к сближению, к некоему *продолжению, начало* которого было положено приблизительно год назад, в течение которого они незримо шли навстречу друг другу, оба играли роль некоего сдерживающего фактора, и желая, и не желая торопить эти трепетно-чудесные минуты, и волшебство витало в воздухе, не сублимируясь во что-либо чувственно-конкретное. Они словно шли по краю, балансируя между эмоциональным накалом, полным символических намеков, и дружеской беседой, насыщенной занимательной информацией в полной мере. Время шло незаметно.

– *Если ехать*, то сейчас, Никуш, – спохватился Коля, посмотрев на часы. – Уже поздно, и автобусы плохо ходят...

Он замолчал, не отрывая взгляда от Никиного лица, словно ожидал ее решения. Повисла тишина, наполненная невысказанными эмоциями. Ника подняла на него глаза, взгляды их встретились. Тонкий румянец мгновенно разлился под ее кожей, внезапно стало душно. Помолчав немного в нерешительности, она перевела дыхание.

– Ты *хотел* бы, чтобы я осталась? – сказала с ударением на втором слове фразы, а потом повторила ее, ставя ударение уже на последнем слове: – Ты хотел бы, чтобы я *осталась*? – В висках стучало, дышала едва-едва.

– Да. Я очень хочу, чтобы ты осталась, – медленно произнес Николай, взяв ее ладони в свои.

Ника вздрогнула, словно от тока, пробежавшего между ними; в горле пересохло. Она вдруг увидела, что Николай тоже сильно волнуется. Он не отпускал ее руки, крепче сжал ладони, жадно ощупывая взглядом ее лицо:

– Прощу тебя: останься у меня, пожалуйста...

Они смотрели друг другу в глаза, не отрываясь, словно перетекая друг в друга. Мир на несколько секунд перестал существовать. Нужно было принимать решение.

– Я остаюсь... – выдохнула Ника после паузы.

* * *

Полная луна на иссиня-черном небе сияла ярким неземным светом, освещая город. Одиноким лунный луч лежал на подоконнике Колиной комнаты...

Они сидели рядышком и, словно преодолев некую невидимую для глаз преграду, оставшуюся где-то позади, шепотом говорили о важном и неважном, делясь тем, чем еще не успели поделиться. Говорили, пытаясь высказать то, что не успели, замолкали, продолжая диалог непредсказуемыми мысленными ассоциациями, боясь нарушить нежную и тонкую грань уже иного свойства, не решаясь переступить ее.

...Он целовал ее волосы, гладил руки и плечи, касаясь их губами, а она, отрешенно глядя затуманенными глазами в окно, пыталась мысленно отпустить себя, понимая всю неизбежность и ощущая вместе с тем нереальность происходящего...

* * *

Немногим позже, в поисках истины и уже в преддверии безумств, о коих ее посещала лишь туманная догадка, Ника отыщет изумительное по сути и зрящему в корень смыслу стихотворение современной талантливой поэтессы, которое будет выучено наизусть и станет для нее неким символом их отношений с Николаем. Для полноты картины его стоит привести здесь целиком.

Жизнь усмехнулась, заварив
напиток горького бессилья...
Я знала, что готов обрыв,
но понадеялась на крылья...

Туман навеян не судьбой —
сама в печали виновата:
я знала – бездна подо мной...
И всё же верила – крылата!

Был так естественен разбег
(кто в спину: ангел или демон?) —
и взлет, казавшийся для всех
паденьем... А для нас – Эдемом,

тем миром, что в веках храним
для Счастья – им и наказуем:
тем миром, где нельзя – двоим
единым слиться поцелуем,

не потеряв (на миг, на век)
небес торжественную милость...

Прыжком закончится разбег.

Прости, что не остановилась...⁴

* * *

Через два дня после той памятной встречи, взяв альпинистское снаряжение, Николай уехал с группой ребят на сборы – готовить молодежь к летним выходам и знакомить их с азами профессии горного спасателя (это тоже было одним из его увлечений, впрочем, весьма профессиональным), пообещав Нике вернуться через десять дней. Таким образом, у нее появилось время для осмысления произошедшего.

Надо сказать, что, находясь всем своим существом во власти сильных чувств и эмоций (никогда раньше с ней не случалось ничего подобного!), Ника была всё же немного растеряна. Отчасти ею владело туманное ощущение какой-то незавершенности, сродни обману ожиданий, и вместе с тем, уже вполне осязаемое, – абсолютной неизвестности грядущего, совсем чуть-чуть, как некая червоточинка в большом яблоке, снаружи незаметная глазу, но исподволь, понемногу, делающая свое дело. Было очевидно, что эти отношения приобрели другой масштаб и иную реальность, нежели ей виделось изначально. Всё случившееся было сказочно прекрасным, но мысль о том, что «...нельзя двоим единым слиться поцелуем, не потеряв (на миг, на век) небес торжественную милость...», оттеняла общее настроение тихой ноющей грустью, и мысль эту Нике никак не удавалось выбросить из головы.

Она привычно искала обобщений (разумеется, и в том, что произошло, тоже), относясь серьезно к случайностям и понимая, что эти обобщения сродни невидимым нитям, идущим от одного предмета к другому, от одного явления – к другому, приводя их нередко если не к общему знаменателю методом пропорции, то словно солидаризируя между собой. В тот период ею были написаны несколько стихотворений, в которых образно изливались на бумагу восприятие происходящих событий и размышления с попытками заглянуть в будущее. Писалось легко, словно рукой ее водил кто-то свыше, диктуя текст набело. Ника облекала в слова мысли, которые, казалось, невозможно сформулировать – слишком уж образными и неясными они казались на первый взгляд.

Всё было непросто, странно и весьма туманно, но, несмотря на все перипетии, можно сказать, что в этот короткий период времени она была счастлива. Время и события в нем текли своим чередом и были пронизаны ожиданием. Это ожидание вбирало в себя, конечно же, не только возвращение Николая; но этому возвращению выделялась всё же особая роль, как и всему тому, что непременно за этим возвращением последует.

⁴ Е. Асенчик (А.Е.Ф.), «Жизнь усмехнулась, заварив...»

5

Пришел февраль – месяц сплина, долгих серых дней и сумрачных вечеров, длящихся томительно и бесконечно, столь характерных для этого времени года. Февраль немного сродни осеннему ноябрю, он словно несет ту же функцию, такое же чувство повседневности, серое и безнадежное: тот же унылый пейзаж, те же наплывы тяжелого настроения, не лишённого внутренней надежды, которая где-то там, за чертой, уже ждет своего часа, хотя еще не видна, размыта и нечетка...

Этот февраль был иным для Ники. Небо казалось выше, тучи – легче, колючий ветер, которого она почти не замечала, овеивал ее одухотворенное лицо, рисуя нежный румянец на щеках и откидывая пряди волос со лба. Она дышала полной грудью, и весь мир кружился вокруг нее, словно она – впервые в жизни! – была его центром, осью, путеводной звездой. Это было удивительно, и в душе Ника несмело наслаждалась вновь обретенными ощущениями.

В первых числах месяца вернулся Николай, сообщив Нике о своем возвращении вечером того же дня.

Она ждала сына с тренировки в фойе учебно-спортивного центра, когда в сумке затренькал телефон, пришло сообщение: «Я вернулся. Поездка была удачной. До скорой встречи».

«До встречи... – подумала Ника. – До скорой встречи...»

Его слова вселили в нее тихую, безотчетную радость и надежду на прекрасное продолжение всего того, что стремительно притягивало их друг к другу. Тем не менее опираясь на небольшой накопленный жизненный опыт, она понимала, что каждый пройденный шаг, прожитый миг неповторимы, что никогда уже не будет так, как прежде, а все последующие встречи будут другими, возможно, более страстными, затрагивающими глубинные эмоции, или банально-предсказуемыми, как большинство встреч мужчин и женщин, и не более того, когда ощущение новизны постепенно сменяется однообразием страсти с монотонностью форм ее выражения, от которых, к сожалению, никуда не уйти...

В мире нет ничего нового. Ведь давно известно, что ожидание чего-то много лучше наступления момента этого «чего-то»; желание привлекает нас больше того, что может дать действительность. Отчего же Нике казалось, что теперь всё должно пойти иначе, развиваясь по какому-то другому, лучшему сценарию?

Каждый человек полагает, что может изменить если не весь мир со всеми его атрибутами, то хотя бы близлежащий мирок, в котором вращается он сам. Люди эгоистичны по сути своей; каждый из них видит собственную персону той основой, которая центробежной силой притягивает к себе окружающий мир вместе с его обитателями, а прочее является простым приложением к нему, важнейшей единице мироздания. Смешно и парадоксально, но – факт. А факты – самая упрямая в мире вещь, об этом говорил еще Булгаковский Воланд, и с этим трудно не согласиться.

Ника всегда смотрела вперед с надеждой на лучшее, возвращая в себе позитивные посылы, всеми силами поддерживая оптимистичное настроение; когда оно вдруг появлялось, она старалась удержать его внутри себя и не растратить. Впрочем, течение жизни ничем особенным не отличалось. Ванечка учился в школе, заботы не оставляли ни на минуту. Но в душе теплился огонек света, лучик надежды, ожидание любви.

Средоточием внутреннего мира Ники были мысли о дорогом ей человеке, она была наполнена этими мыслями, она словно светилась изнутри, прислушиваясь к растущему в ее сердце чувству, молчаливо и эмоционально «выбрасывая» в окружающий мир опаленные внутренним жаром сердца протуберанцы нежности. Это ощущали все, кто находился рядом, не вполне понимая, что с ней происходит. И, еще не осознавая, чем это грозит ей в ближайшем будущем, она влюбилась – пожалуй, впервые в жизни.

* * *

Ника парила над землей, не чуя под собой ног от обуревавших ее благодатных эмоций и счастливого ожидания. И когда Николай снова пригласил ее к себе, она уже ни в чем не сомневалась и не колебалась: столь долгожданна была одна лишь мысль о сказке, могущей повториться, о том, чтобы чувствовать его рядом, слышать его, видеть и не мочь надышаться.

Они встретились непоздним вечером в назначенном месте – близ Колиной станции, возле входа в подземку. Коля уже ждал ее, когда она поднялась из преисподней метро на поверхность, и шагнул навстречу.

– Здравствуй, – улыбка осветила его лицо. – Я очень рад тебя видеть!

– Привет!.. – Ника выровняла сбившееся от волнения дыхание и улыбнулась в ответ, разглядывая своего визави. – Ты хорошо выглядишь, даже загорел немного. Свежий воздух и отсутствие городского стресса явно пошли тебе на пользу.

Выглядел он действительно хорошо. Посвежевший цвет лица, уверенный разворот широких плеч, спокойный ласковый взгляд, в котором одновременно сквозили легкое беспокойство от предвкушения встречи после разлуки с дорогой для него женщиной, нежность и радость этой встречи.

– Спасибо на добром слове, – Николай ласково глядел на Нику. – А вот ты всегда очень красивая, сейчас – особенно... – И, помолчав, добавил: – Я много думал о тебе там, в поездке... И очень соскучился.

Оба замолчали, глядя друг на друга и не обращая никакого внимания на окружающую суетливую толчею, словно отделенные от нее некоей оболочкой, невидимой глазу, но очень надежной. «И две фигуры посреди стихии, друг с друга не спускающие глаз...»⁵

– Может быть, пройдемся пешком? – нарушила молчание Ника, глядя на Николая сияющими глазами и счастливо улыбаясь.

– Согласен. Погода замечательная: нет ни снега, ни дождя, нас радует солнышко. Помнишь, я обещал показать тебе красивую аллею?

Ника кивнула.

– Идем?

Взявшись за руки, они неторопливо побрели через живописную тополиновую аллею в направлении его дома.

* * *

Было уже темно, когда Коля провожал Нику до автобусной остановки. Пустынные улицы освещались редкими фонарями, легкий ветер неслышно скользил по лицам. Было светло от снега.

Они остановились в ожидании автобуса, завороченно глядя друг на друга. Нике хотелось раствориться в родном человеке; она смотрела на него и испытывала одновременно восторг и боль. Ей казалось, что она причастна к великой тайне Любви, что она – избранная среди других избранных, тех немногих, что рассеяны по всей планете, и это не описать словами...

– Когда мы увидимся? – Николай нарушил молчание, в его голосе явственно угадывались тоскливые нотки.

Его глаза вернули ее в реальность, он не отрывал взгляд от ее лица. У нее сжалось сердце: ей совсем не хотелось уезжать от него. Она глубоко вздохнула.

⁵ А. Ивашенко, «Кончается четверг, и дождик мелок...»

– Скоро, Коленька. Я приеду к тебе...

– Я буду ждать...

Он крепко обнял Нику, осыпая поцелуями лоб, глаза, губы. Она прижалась к нему, ее сердце бешено колотилось и, казалось, было готово разорваться от нахлынувших чувств.

Подошел полупустой автобус, и Ника, с ноющим сердцем освободившись из сладостных Колиных объятий, попрощалась с ним взглядом и вошла в раскрытую дверь.

– Сообщи мне, как доберешься! – услышала она напутствие. – Может, всё-таки проводить тебя?

– Не нужно! Я напишу...

Автобус медленно набирал ход. Сквозь запотевшее изнутри и замерзшее снаружи оконное стекло, покрытое морозными узорами, она пыталась разглядеть силуэт дорогого ей человека, одиноко стоявшего на пустой остановке и глядящего ей вслед, а тот не отрывал взгляда от ее силуэта до тех пор, пока его еще можно было различить, и автобус не скрылся из вида.

6

Ника приезжала к Николаю единожды (иногда – дважды) за месяц.

Он встречал ее возле метро или распахивал перед ней дверь квартиры, когда ждал ее дома; зажигал свечи, заваривал ройбуш с земляникой, который она привозила с собой, или зеленый чай с жасмином или бергамотом, предлагал какое-нибудь лакомство, включал негромкую музыку.

Они садились на старенькую кровать или на мягкий плед, расстеленный на полу, касались друг друга, превращая это в игру, так, словно между прочим, воспламеняясь и сдерживаясь; разговаривали, порой даже молча, восхищенно глядя друг на друга глазами, переполненными нежностью, тоской пережитого расставания и счастьем долгожданной встречи, которое хотелось длить до бесконечности. Сердца их плавилась, они купались в нахлынувших чувствах, растворялись друг в друге...

Он любовался ее красотой, которая действовала на него завораживающе: изгиб тонко очерченных, чуть полноватых губ, нежный овал подбородка, закругленные линии маленьких ушек с тоненькими мочками – всё пленяло его; он тонул в ее бездонных синих глазах, восхищался ее ладной фигурой, любил расчесывать ее темно-каштановые волосы, давая им свободу от заколок и шпилек, и они волнистым водопадом струились почти до самой талии. Шепотом о чем-нибудь рассказывал или расспрашивал ее, а она отвечала ему срывающимся от нежности голосом, наслаждаясь тем, что видит его, может прикоснуться, ощущая пальцами его кожу, глядя волнистые темные волосы, на ошупь напоминающие нежную шелковую ткань. Это был летящий диалог – наполовину словами, наполовину чувствами, пронизанный мотивом любви.

Рядом с ним Ника чувствовала себя королевой и богиней одновременно, если такое только можно вообразить. Казалось, она очутилась в чудесном мире любви, о котором мечтала и которого ждала с отрочества. Каждое мгновение встреч она проживала по секундам, часто возвращаясь к этим воспоминаниям, понимая, впрочем, что происходящее с ними относится к разряду чудес, а чудеса не могут длиться вечно и непременно оканчиваются. Но думать об этом не хотелось.

Однажды Николай прочитал ей стихи. Для нее очевидность его авторства была неоспоримой, мгновенно пропитав насквозь те несколько строф, весьма безыскусных, но вместе с тем словно выстрадавших его душой и пронизанных безмерной печалью. В них говорилось о долгом поиске, о невозможности быть вместе мужчине и женщине – ведь в ее жизни нет для него места, с ней рядом другой, у нее семья; в них звучал мотив его безграничной тоски по ней, когда она уходит, в те моменты, когда ее нет рядом... Стихи, произносимые тихим голосом, звучали как признание – откровением, криком души – нежные, пронизанные болью одиночества и горечью разлуки. Ника затаила дыхание, заворуженно внимая этим словам, не зная, что сказать в ответ.

В жизни есть моменты, когда слова не нужны, когда любое слово, сколь бы полновесный смысл оно в себе не несло, не сможет объять и тысячной доли тех внутренних ощущений и переживаний, которые владеют людьми в эту минуту. Даже музыка, при всей своей совершенности, самобытности и глубинном наполнении, порой не может стать передаточным звеном между мыслью и словом из-за иной направленности собственных ресурсов, как это ни парадоксально.

Ника слушала родной голос, и ей казалось – чувства этого человека очевидны, и она всем сердцем, в полной мере разделяла их, словно эти стихи звучали прелюдией к чему-то большему, глобальному и всеобъемлющему, что вот-вот настанет, изменив для нее, для них весь мир... Она сидела, как изваяние, боясь спугнуть волшебство, застыв в ожидании каких-то признаний, откровений, которые, конечно же, последуют... Она была готова поддержать

любимого человека, разделить с ним всё, что должно случиться, помочь ему поставить все точки над «і», словно оба они стояли на пороге чего-то важного, какого-то огромного, решительного шага, куда бы он ни вел.

Он замолчал, и тишина, словно окончание некоего жизненного абзаца, поплыла незримым облаком, окутывая обоих. Ника повернула голову, чтобы видеть любимые глаза, но не смогла уловить их выражение, словно Николай смотрел внутрь себя, и произнесенные им слова исторглись откуда-то из потаенных глубин его души. В какой-то момент ее пронзило острое желание окликнуть его по имени, всегда звучащего для нее излучающим волны теплом...

Николай первым нарушил тишину, заговорив о чем-то отвлеченном. Его голос зазвучал инородной мелодией, а слова были непонятны, словно это был неизвестный, чужеземный язык, и смысла слов Ника не понимала. Возможно, подобным образом Николай попытался скрыть свое смущение после столь нехарактерных для его поведения сентиментальных душевных излияний, неожиданно вырвавшихся на волю, но Ника в пылу эмоций не смогла этого угадать; ее не покидало ощущение, словно ей плеснули в лицо холодной водой. Она сильно расстроилась. Пытаясь взять себя в руки, словно упав с небес на землю, вернее, на подлете к земле понимая, что сейчас разобьется, она продолжала смотреть на любимого человека, вдруг осознав, что совсем его не знает... Это испугало ее.

Стремительно летели мгновения, миг за мигом обозначая контуры новой страницы событий, к которой Ника пока не была готова. Спрятав все чаяния и ожидания в глубь сердца, она с трудом изобразила на лице улыбку и, глянув на часы, засобиралась домой: время было позднее. Николай, впрочем, и не удерживал ее.

* * *

– Почему ты так долго не приходила? – спросил он однажды, едва дождавшись, пока она войдет, сжав ее в объятиях и страстно целуя; надо сказать, что подобные чувственные проявления случались весьма редко. – Я так скучал! – тебя не было почти целый месяц!..

Ее приятно удивила его страстная порывистость; мысленно она рванулась к нему всем сердцем. В самом деле, месяц – огромный срок для влюбленных, в течение которого происходит невероятное множество событий, случается масса мелочей, из которых и складывается человеческая жизнь.

– Разве долго? – негромко спросила она в ответ, сознавая, впрочем, что лукавит.

Ей было, мягко говоря, очень непросто выдержать этот месяц, не видя любимого человека, но она не призналась ему в этом. Почему она не сказала Николаю, что согласна с ним, как, впрочем, и в том, что сама так мучительно, так долго ждала этого момента? Что ей помешало? Гордость? Желание доказать себе собственную эмоциональную независимость (от которой уже, по сути, не осталось и следа)? Или естественное для женщины желание вложить посыл для решения этого вопроса в мужскую голову?

– Недолго, да? Ты считаешь, недолго? Значит, так и есть, – проговорил Николай со вздохом. Он расстроился, как-то сразу сникнув, словно закрывшись от нее и о чем-то задумавшись.

Это опечалило Нику. «Не верь мне, не верь! Я с трудом дождалась нашей встречи!!!» – кричало всё в ней, но вслух она не произнесла ни единого слова, не опровергнув своего вопроса, словно что-то мешало ей сделать это. Потом, поняв, что время ушло, неуловимо, но верно что-то изменив, она увела разговор в другое русло, надеясь позже к нему вернуться. Но ощущение потери, едва уловимое, но вполне реальное, уже не оставляло ее.

Для чего она сохраняла это царственное достоинство, почему не поддержала порыв любимого? Быть может, это была некая попытка сберечь, сохранить что-то, что могло разрушиться от явления чувств наружу? Отчасти это было правдой. А еще сыграла свою роль немаловаж-

ность воспитания Ники, когда строгость, гордость, равнодушная холодность должны были подчеркивать достоинство девушки-женщины, воспитанной в советское время.

Нике казалось, что она поступает верно, оберегая личную жизнь Николая, не вмешиваясь в его личное пространство, стараясь быть ненавязчивой, не пытаюсь сократить его же установленные отрезки времени, разделяющие каждую встречу. Ей хотелось, чтобы Николай сам сократил эти промежутки, проявив инициативу, как и подобает мужчине. Ей одной было несподручно нести бремя ответственности за всё происходящее с ними, она считала естественным желание разделить это бремя с ним.

– Я не хочу, чтобы меня в твоей жизни было слишком много, – говорила она с улыбкой, ожидая, что он, быть может, возразит ей, и тогда, вероятно, что-то изменится, повлекши за собой метаморфозы дальнейших событий, в контексте собственной жизни по-прежнему грезились ей весьма смутно.

– С чего ты взяла, что тебя много? Тебя итак... слишком мало, – отвечал он. В этих его словах ей чудились и веселая, легкая ирония, и игра слов, и некое признание.

«Значит, я делаю всё правильно – всё-таки я нужна ему», – размышляла она, полагая сохранение пауз между встречами наиболее верным решением для обоих. Она и сама не понимала, зачем, к чему и почему они необходимы, и это решение, возможно, было ее маленькой ошибкой, или – нет, скорее, недочетом... Но ею двигало уж точно не безразличие! Это была сдержанная осторожность, бережное отношение (так относятся к несомненной ценности), подпитываемое уже прожитым и проживаемым ныне совместным временем и теми расплывчатыми фантазиями, возникающими в ее голове, старательно отфильтровывающей периодически сгущавшиеся тучи.

Любой неверный штрих в отношениях между людьми может являться отправной точкой в перемене маршрута; да и жизнь наша, не имея черновиков, сразу пишется набело. Можно ошибиться всего на полтакта, но эта ошибка превращается в живое время, становящееся материальным, которое необратимо меняет нашу жизнь. Впрочем, в недочетах ли дело...

Существует некая закономерность, когда заинтересованный в чем-то либо ком-то человек пытается найти верное решение при возникающих проблемах, дабы ошибки как можно быстрее и безболезненней исправить, если это в его силах; корень же проблемы он чаще всего ищет в себе, в своих поступках или словах. А ведь это, мягко говоря, не всегда соответствует истине. Порой бывают такие обстоятельства, истоком которых является именно другой человек, о чем он сам и не подозревает (или не придает тому значения), но именно ради него осуществляются все эти потуги.

* * *

Главных слов между ними сказано не было.

Николай всегда изъяснялся иначе, намеками, минуя эти слова, но – так, чтобы Ника могла догадаться о нежных чувствах, которые он к ней питает. Ей же казалось, что факта наличия писем, в которых она поверяла ему свои мысли, ловко лавируя в повествовании между обычным жизнеописанием и размышлениями и умело обходя главное, о котором в этих письмах встречались лишь легкие, туманные намеки, порой (весьма редко) становящиеся чуть более прозрачными, а также и встреч, когда в ее глазах можно было прочесть без труда ее думы и чувства, довольно с лихвой, что не надо лишних слов, и никакие объяснения не нужны вовсе.

В каком-то произведении она прочитала, что любовь для женщины – это целая жизнь, а для мужчины – лишь эпизод, глава или страница жизни. Произведение было написано мужчиной, это была мужская точка зрения, она четко помнила это. Однажды в разговоре, между прочим, высказала эту мысль Николаю, и его ответ – «Вот видишь – ты *понимаешь* это!..» – только подтвердил данную точку зрения.

Эти слова прозвучали в одном из телефонных разговоров, происходивших еще до момента памятной первой встречи. Возможно, сей эпизод, сохранившийся в Никиной памяти, и явился одним из решающих факторов, определивших ее мнение относительно их роли в жизни друг друга. Она и хотела любви, и боялась ее, искусственно пытаясь сдерживать неотвратимое, мысленно переводя реалии отношений в некие образы, выливающиеся в стихи, с мечтами, мыслями и снами о желанном, возможном, неизбежном... Она притормаживала себя, взнуздывая свои эмоции и желания, и это чрезвычайно мешало ей в полной мере насладиться ими.

На данном этапе их сопричастности друг к другу Ника невольно считала мудрую мысль знаменитого философа Пифагора бездоказательной;⁶ ей казалось: коли они соединились этой связью, коли она, случившись, состоялась, значит, уже существует, как данность, и будет существовать всегда, оставаясь неизменной, что бы ни происходило в дальнейшем, какие бы перипетии судьбы не ждали их – в ближайшем ли будущем либо впоследствии.

Только ведь ничего постоянного в нашем мире нет; видоизменяясь, перетекая из одного состояния в другое, из одного образа – в другой, из одной данности – в другую, эти изменения сродни смене времен года: пейзаж один и тот же, а разница огромна; визуально узнать вроде бы можно, но и отличий гораздо больше десяти (если проводить параллель с ребусами из тех журналов, что имеют рубрику с картинками под названием «Найди десять отличий»).

Шаг за шагом Ника двигалась навстречу Николаю, соблюдая пресловутую аккуратность и не врываясь вихрем в его жизнь. Ей хотелось продлить каждый проживаемый ими светлый момент; она боялась поторопиться и нарушить ту невидимую, тонкую грань, ту золотую середину, на которой балансировали их взаимоотношения. Для нее они были сродни свету маяка, что в ночи освещал ее путь, свету, что мерцает печалью разлуки. Молча, сама себе она сетовала на разлуку, но неприятную эту ситуацию изменить не пыталась: ее останавливало нечто, какие-то неясные предчувствия, смутные догадки. Она начинала размышлять об этом, мгновенно углубляясь в какие-то неведомые дебри; боясь там заблудиться, мысленно возвращалась назад, в привычный мир своих эмоций, в котором было спокойнее и, казалось, надежнее.

И всё же она не теряла надежды на то, что рано или поздно всё разрешится само собой.

⁶ Имеется в виду афоризм «Любовь – это теорема, доказывать которую нужно всю жизнь».

7

Меж тем пришла весна.

Являясь, по сути, месяцем зимним, а по календарю – весенним, будучи большей частью мрачным и холодным, март давал несомненную возможность почувствовать уже стоявшую на пороге весну особенным воздухом, легким и пряным, просветлевшим небом, временами открывающимся глазу и радующим души людей, свежим ветром, наполняющим легкие ароматами грядущей весны.

В один из погожих дней Николай пригласил Нику на прогулку в городской парк. Было еще холодно; повсюду, куда бы ни падал взгляд, лежал снег, но расчищенные дорожки позволяли желающим беспрепятственно прогуливаться по ним, наслаждаясь хорошей погодой. Влажный весенний воздух был насыщен прозрачной свежестью. Ника не могла надышаться, глубоко вдыхая этот эликсир, иногда бросая взгляд в ветреное серо-голубое небо с плывущими дымчатыми облаками.

Говорили ни о чем. В памяти всплывали яркие моменты жизни, которыми хотелось поделиться друг с другом, какие-то истории, размышления, впечатления о прочитанных книгах, о жизни друзей, знакомых.

Неожиданно для себя Ника задала своему наперснику весьма странный вопрос:

– Послушай: зачем тебе я? Разве тебе недостаточно женского внимания вне меня?

– А с кем же мне поговорить? – мгновенно парировал он, слегка улыбнувшись и ничуть не удивившись, словно давно держал ответ наготове. Потом добавил, уже без улыбки: – Мне легко оставаться собой, когда ты рядом, а это редкость. Мне с тобой интересно. Мне хорошо с тобой...

Он остановился, взял Нику за плечи, привлек к себе. Помолчав немного и глядя в ее глаза, тихо произнес:

– Я постоянно думаю о тебе, Никуш. Ты нужна мне.

Волна нежности с головой захлестнула Нику: вот оно, счастье! Она нужна ему, он любит ее!

И она его любит.

И всё у них непременно будет хорошо.

* * *

«Всё будет хорошо», – так всегда говорил Николай. Ника приняла его девиз, стараясь жить согласно этому утверждению. К слову сказать, весьма схоже рассуждала и ее мама, нередко произнося общеизвестную фразу: «Всё, что ни делается, – к лучшему». Хотя с этим утверждением вполне можно поспорить, ибо мир, при наличии великого множества полутонов, не делится на черное и белое; тем не менее, приятно сознавать и принимать всем сердцем ту оптимистическую реальность, что якобы ждет впереди, и стремиться к ней всеми силами души.

Те мгновения, в которых человек испытывает сильные эмоции и глубокие чувства, хочется продлить как можно дольше, дабы в полной мере насладиться настоящим. Именно в такие моменты мы и осознаем, что живем, что у нас есть не только прошлое и будущее, но и настоящее, его можно почувствовать и прожить всем сердцем прямо сейчас, и это настоящее – с нами, в нас, вокруг нас.

Подобное ощущение не раз посещало Нику при встречах с Николаем. Ей было так хорошо рядом с ним, что не выразить словами, казалось – пусть весь мир подождет! Ведь то, что происходит сейчас, важнее всего. Сердце Ники плавилось от любви, душа трепетала.

Впереди была целая жизнь.

* * *

Настоящей весной, сырой и свежей, пришел апрель, наполняя сердца теплом и светом нового пробуждения. Момент перехода ранней весны в весну цветущую столь же быстротечен и незаметен глазу, как и переход из ранней осени – в позднюю. Он неуловим, но изменения настолько сильны и ярки, пробуждение природы, как и ее засыпание, превращает мир вокруг нас в совершенно другую – иную – форму реальности, и люди, пусть ненадолго, начинают воспринимать мир по-иному.

Учебный год у сына Ники подходил к концу. Девять месяцев в году Ванюша вынужденно проводил в пределах Садового кольца с соответствующей экологией, что не могло не сказываться на его самочувствии. Ежегодно возникала необходимость вывозить его на летние каникулы за город, где он мог бы окрепнуть и с новыми, как говорится, силами приступить к учебе в грядущем году.

Не стал исключением и этот год. Ника прекрасно понимала, что желанием и возможностью осуществить всё это владеет только она, но в этот раз договориться с руководством организации, в которой она работала, о возможности неоплачиваемого отпуска она не сумела. Несмотря на испытываемые финансовые трудности, пришлось пойти на крайние меры и уволиться; это решение было принято безоговорочно и далось ей нелегко, став, впрочем, вынужденной мерой. К тому же Ника понимала, что в своей трудовой деятельности пора уже что-то менять.

Как бы там ни было, впереди брезжило лето: чудесная погода, природа, радость общения с ребенком, возможность заниматься творчеством и саморазвитием, не обремененная каждодневным нахождением в присутственном месте. Существовала, впрочем, и другая сторона медали: вынужденное, пусть даже на не слишком большой срок, расставание с Николаем, что глубоко печалило Нику. Ей очень хотелось повидаться с ним перед отъездом, и она, не задумываясь, написала ему сообщение.

Полученный ответ с приглашением вновь побродить по парку заставил ее призадуматься. Ею овладели два противоположных чувства, первым из которых была радость оттого, что их встреча всё-таки состоится, ведь они по-прежнему виделись так же редко, как и в самом начале, что порой донельзя расстраивало ее, ибо ей хотелось видеть его чаще и чаще с каждым днем, проводить больше времени вместе с ним; она попросту не понимала, как их встречи могли свестись к такому катастрофическому минимуму; впрочем, есть вещи, которые не меняются.

В то же время, то бишь, во-вторых, она оказалась во власти растерянности: ведь они не смогут раствориться друг в друге, не смогут побыть наедине, обретя и почувствовав и физическую, и духовную близость... Ей казалось странным, отчего Николай не хочет понять, что коль скоро она уезжает из города, значит, и увидятся они нескоро. Неужели ему не хочется побыть с ней вдвоем в этой волшебной близости, насладиться друг другом, произнести какие-то слова или ощутить сладкое молчание, от которого замирает душа?

Ника отправилась на встречу, стараясь не думать негативных мыслей и не впускать в душу стоявшее на ее пороге смятение.

* * *

В назначенном месте они оказались почти одновременно; Ника пришла чуть раньше Николая. Он поцеловал ее, сказав обычное «Здравствуй», и они не спеша побрели по живописным дорожкам, засыпанным щебнем. Был ясный ранний вечер. Золотя кроны деревьев, солнце медленно клонилось к закату, розоватые облака на нежно-голубом небесном фоне смотрелись великолепными кораблями в позолоте солнечных лучей, словно плывущими навстречу своей мечте...

– Я рад тебя видеть, – произнес он, остановившись и любуясь Никой. Ты очень красивая. – Он прикоснулся к ее виску, медленно отвел упавшую на ее лицо прядь волос. Она поцелует коснулась его ладони. – Как хорошо, что ты пришла!

– И я очень рада тебя видеть! Как же я могла не прийти? – за улыбкой Ника попыталась скрыть накатывающую на сердце тревогу. – Ведь я соскучилась по тебе! А ты?

– А ты как думаешь? – спросил он, полуприкрыв глаза.

– Я не знаю, что и думать, – она принужденно улыбнулась, тщательно подбирая слова. – Может быть, ты пришел только потому, что я позвала – нехотя, из вежливости? Ты уверен, что для тебя наша встреча – такое же радостное событие, как и для меня? Ибо меня терзают смутные сомнения, как говорил известный персонаж из кинофильма.

– У тебя есть повод для сомнений? – он остановился, удивленно приподняв брови и сразу посерьезнев. – Какой же?

Ника помолчала, собираясь с духом, не желая нарушить светлую зыбкость их встречи излишней эмоциональностью, ощущая незримую тяжесть возникших вопросов, а также острую необходимость их задать, дабы клубок сомнений и вызванных ими нелюбезных психологических выкладок не становился со временем больше, разрастаясь, как снежный ком. Глубоко вздохнув, понимая, что ступила на зыбкую почву выяснений и объяснений, осторожно, мягким, вкрадчивым голосом она заговорила:

– Коленька, я уеду из города в ближайшие дни и неизвестно, когда вернусь. Почему мы не можем побыть вместе – только ты и я, понимаешь? И – никого вокруг? Ты-то разве этого не хочешь?

– Но мы итак вместе, Никуш, – мягко ответил ей Николай, устремив взгляд куда-то вдаль, и таким же ровным голосом добавил: – Мы с тобой всегда вместе, что бы ни случилось.

Он часто говорил эту фразу, поясняя Нике и, возможно, самому себе их общий статус: они – вместе, пусть даже – в разлуке, что бы при этом ни происходило, невзирая ни на какие бы то ни было причины. Это был его взгляд на их взаимоотношения, весьма своеобразный и не вполне разделяемый Никой. Похоже, что он не признавал никаких осложнений в любви, а она не считала осложнением желание быть рядом, жажду поделиться с дорогим человеком всем, что имеешь.

Вдруг почувствовав свою незащищенность, она ясно осознала: ей уже недостаточно такого положения вещей, и она не хочет ни с кем делить любимого. Незримый укол ревности неизвестного происхождения холодным и остро отточенным наконечником вошел в ее сердце. Возникло странное ощущение, будто Николай ускользает от нее...

Бывают такие мгновения, когда измученный любовью человек понимает: тонкий механизм приводит в движение не лавина, а струйка песка. То ли от собственного бессилия, то ли от думок-размышлений, которые бесконечно – ежедневно и ежечасно – крутились в ее голове, каждый раз, словно закольцованные, возвращаясь к исходной точке, как говорят в таких случаях, «Остапа понесло»:

– Мы вместе, ты говоришь? Это просто замечательно, Коленька! – и тебе, по-видимому, этого достаточно.

Глубоко дыша, она пыталась овладеть собственными эмоциями, но почему-то это оказалось ей не под силу. Все сомнения, вся неуверенность и недосказанности нахлынули в один миг. Лавиной всплыли в памяти те странные, размытые отрезки времени, штрихи, которые не вписывались в красивую сказку их взаимоотношений, возможно, выдуманную Никой: его молчание в ответ на ее сообщения, его недоступность, ее напрасное ожидание... Вспомнились и другие подобные ситуации, вроде бы мелочные, ничтожные по отдельности, но в совокупности своей приобретающие немалый вес и, подобно каплям кипящей смолы, падающие на оголенные нервы влюбленной женщины.

В горле пересохло. С болью и отчаянием Ника смотрела в глаза Николая. Дыхание сбилось, как будто она выполняла тяжелую физическую работу.

– Но ведь я живая, живая, Николенька! И не могу жить только этими мечтами! Это всё красивые слова, и не более того! Я хочу видеть тебя и слышать, понимаешь? Мы так редко встречаемся, почему? Почему мы нигде не бываем? Почему я до сих пор незнакома ни с кем из твоих друзей? И почему мы не можем прямо сейчас поехать к тебе?!

Проклинаая себя за нетерпение, многочисленные «почему» и собственную несдержанность, Ника с плохо скрываемой тревогой ждала ответа.

Она не повышала тона, стараясь произнести весь монолог тихим голосом, но никакое *riapo*⁷ было неспособно заглушить излишнюю его эмоциональность. Она чувствовала, что в какой-то степени перегнула палку; с другой стороны, всё сказанное было правдой – от первого до последнего слова, той правдой, которую она вынашивала долгое время и которую попыталась теперь выложить Николаю в качестве своих аргументов. Но... это была правда при наличии глубокого чувства, во всяком случае, с ее стороны, и эта печальная данность придавала событиям уже драматический оттенок.

Ни один мускул не дрогнул на лице Николая. С каждым словом, произносимым Никой, его лицо становилось более замкнутым. Выложив основные аргументы и сумев, наконец, взять себя в руки, она замолчала, давая возможность высказаться своему невольному оппоненту, желая услышать те слова, которые он найдет для нее. Сердцем она чувствовала, что ему есть что сказать.

Но... он по-прежнему хранил молчание, длившееся, казалось, целую вечность. Она жаждала диалога, столь необходимого для них; услышать его мнение именно сейчас было для нее крайне важно.

Ника ждала. Николай молчал.

Внезапно она почувствовала себя плохо. У нее закружилась голова, всё вокруг будто бы поменяло реальные очертания, яркий свет вечернего солнца потускнел; словно оказавшись в параллельном, неведомом ей, мире, с визуально сохранившимся земным антуражем трехмерного пространства, Ника явственно ощущала совершенно иную – чужую для нее – реальность, в которой не было привычных запахов и звуков – они вдруг исчезли, а от гнетущей, давящей тоски ей ощутимо не хватало воздуха. Мир вокруг рушился, а она со страшной скоростью летела в глубокую, черную, бездонную пропасть... Явственно проступило ощущение случившейся катастрофы.

Ей хотелось спросить его, отчего он молчит, ведь это невыносимо! – но совладать с голосом не удалось. Неожиданно в памяти возник своеобразный жизненный совет, прочитанный однажды в каком-то художественном произведении, гласивший примерно следующее: если ситуация выходит из-под контроля и изменить ее не в ваших силах, просто наблюдайте; ничего не предпринимайте – ждите, всё образуется само собой. Ничего другого ей и не оставалось, как только внять сему мудрому совету. Остекленевшая, словно неживая, на негнущихся ногах

⁷ Тихо (*итал.*).

она шла по дорожке парка рядом с близким, но ставшим вдруг таким чужим, человеком, в ожидании грядущего.

Словно очнувшись от молчания, бесцветным голосом Николай заговорил о чем-то, не имеющем отношения к «зависшим в воздухе» Никиным вопросам, обрушившимся на него столь неожиданно и импульсивно. Она пыталась уловить смысл того, о чем он говорит, но ей никак не удавалось этого сделать. Вся прелесть вечера, вся красота вокруг и радость встречи были омрачены, настроение колебалось где-то в пределах тысячи на минусовой отметке. Она едва создавала, кто она и где находится. Сердце обливалось кровью.

Неужели он не понимает, что делает ей больно? Что происходит? Надо было снова попытаться взять себя в руки и выглядеть, как говорят в подобных случаях, бодро, с хорошей миной при плохой игре, и Ника приложила колоссальные усилия в попытке немедленного осуществления этой метаморфозы...

Сколько времени длилась прогулка, о чем они говорили, она уже не понимала и не помнила; всё было словно в тумане. Она очень устала, словно став за один этот вечер на несколько лет старше, и была несказанно расстроена.

* * *

Они прощались на перроне станции метро. Смотрели друг на друга: Ника – не пытаюсь скрыть печаль и горечь, Николай – устало полуприкрыв глаза.

Этот конфликт впервые явно возник между ними, неся в себе столько болезненных огрехов: недоговоренность, нерешенность, непонимание, ее излишне эмоциональную попытку достучаться до него, окончившуюся столь неудачно, когда она выложила ему свои мысли в попытке выяснить, что же всё-таки скрывается в глубинах его сердца. Да, эта размолвка теперь будет долго стоять между ними, даже если они когда-нибудь вернуться к ней и смогут всё обсудить. Хотя... о каком удачном разрешении может идти речь, если катастрофа, как тогда казалось Нике, уже случилась?

К тому же для Ники не был секретом тот факт, что Коля дорожит их сопричастностью друг к другу, ей казалось, что их расставания он желал бы меньше всего на свете. Ведь он всегда утверждал именно это, а она ему доверяла.

Наконец Николай нарушил тягостное молчание, словно вернувшись мыслями в исток этого неприятного разговора:

– Я не могу сейчас пригласить тебя к себе. Так получается. Не обижайся на меня, пожалуйста.

Каждое его слово больно ранило Нику, а душа ее рвалась ему навстречу. С нотками отчаяния в голосе она спросила:

– Но почему же, что произошло? Нам было так хорошо вместе! А теперь ты словно отталкиваешь меня, держишь на расстоянии...

Она была совершенно измучена: руки как лед, сердце билось с переборами, и снова не хватало воздуха.

– Это не так, – ответил он, – я не отталкиваю тебя. Ты говоришь глупости. – Он произносил слова тихим, монотонным голосом, таким тоном, словно объяснял что-то маленькому ребенку. – Всё будет хорошо, Никуш, всё будет хорошо. Я буду скучать по тебе. Когда ты приедешь?

– Не знаю, – глухо проговорила Ника в ответ. – Я буду писать тебе.

Она снова подняла на него глаза. Ждала, что он скажет что-нибудь вроде «Приезжай поскорей, мне очень плохо без тебя», или что-то иное, несущее в себе такой же смысл, и высказанное другими словами. Ждала, что позовет, попытается удержать, чтобы она поняла, что

нужна ему, что он хочет быть рядом, хотя бы для того, чтобы освободить ее от груза сомнений, снедающих душу, но в ответ услышала фразу, всегда произносимую им при расставании:

– Я буду ждать...

К платформе подходил поезд. Перед тем, как войти в вагон, Ника снова заглянула в родные глаза и поняла, что сейчас расплчется. Очень не хотелось портить прощальные минуты слезами, поэтому (снова!) взяла себя в руки и натужно улыбнулась дрожащими губами, произнесла деланно-бодрым голосом:

– Счастливо! И тебе удачи, Коленька. Буду надеяться на встречу.

– На скорую встречу, – вторил он.

* * *

Совершенно разбитая, Ника ехала домой. Ее угнетала произошедшая перемена вместе с тем непонятным, откуда брали начало ее истоки. Коля был так же нежен и ласков, и очевидность его радости этой встрече, как и всем предыдущим, была неоспорима. Но всё же...

Мысль о наличии у него другой женщины Ника старательно гнала от себя «поганой метлой», но та, неотступно возвращаясь в силу своей логичности, реяла где-то невдалеке, дразня и пугая Нику своей естественной и неизбежной настойчивостью. Впрочем, она догадывалась о существовании женщин, с которыми Николай встречался до начала их близости, полагая, что, если принять это как данность и приложить к возникшей ныне ситуации, пазлики головоломки легко сходились один к другому. Но вот что странно: в начале их связи она совершенно не задумывалась об этом, словно этот аспект его жизни нимало не интересовал ее.

«Но как? Неужели это возможно?» – наивно вопрошала себя Ника. Ведь он любит ее! К тому же он не был похож на человека, способного разбрасываться чувствами, и – да! – он немногословен, ведь те редкие комплименты, которые он произносит, дорогого стоят... Неужели все те моменты абсолютного счастья, которые они вместе испытали, равным счетом ничего не значат?

Но внутренний голос, очень тихий, но настойчивый, исходящий откуда-то из подсознания, отвечал ей: это жизнь, в которой подобное случается, увы, весьма часто. Эти мысли приходили так естественно, возникали сами по себе, словно делясь с Никой опытом предыдущих поколений, а, может быть, имея под собой основанием женское чутье. Но Ника упрямо не желала прислушаться к ним, мысленно отмахивалась, пренебрегая ими.

Несмотря на предполагаемое наличие других женщин в жизни Николая, она была слишком уверена в том, что таких сильных и глубоких чувств ни к кому, кроме нее, он не испытывает, а это означает фактическое отсутствие у нее соперниц. Кроме того, она ни на секунду не сомневалась и в том, что любую его привязанность сможет побороть одним только присутствием в его жизни, равно как и всем, что их связывает. Ника должна была *a priori*⁸ стать его логичным, несомненным и естественным предпочтением, ведь их чувства глубоки, сильны и взаимны. К тому же она была твердо убеждена в том, что с любимым человеком всегда нужно быть честным на сто процентов, иначе потом накапливается столько всего, что выплеснуть это будет уже попросту невозможно. Может быть, она переоценила свои силы и его чувства?

Николай был убежден в другой интерпретации взаимоотношений, говоря Нике:

– У меня есть ты, и есть весь остальной мир. Есть я, есть ты, есть наши отношения. Всё остальное – уже из другого формата.

Нике же хотелось иметь возможность разделить с ним (реально или виртуально) каждую минуту своей жизни. Возможно, ее ошибка, заключающаяся в сдерживании себя и сохранении временной дистанции, действительно имела место; а может, ошибки были и еще, хотя...

⁸ Независимо от опыта (*лат.*), т. е. знание, как бы известное заранее.

О каких ошибках можно говорить в сравнении с самой главной: она абсолютно не придавала значения тому факту, что изменить человека попросту невозможно, он навсегда останется таким, каков есть. Это заблуждение присуще, наверное, подавляющему большинству женщин, уверенных в том, что их приход в жизнь мужчины всё в ней кардинально изменит, ведь дело касается их – любимых, уникальных, единственных в своем роде, самых лучших!

Николай утверждал, что ближе и роднее человека, чем Ника, у него нет. Она слушала его, затаив дыхание, безраздельно веря своим ощущениям и интуиции в контексте его слов; но, тем не менее, верила она и в то, что время, когда она могла бы что-то изменить, став главным человеком его жизни, было упущено. Да и было ли оно? Она помнила о существовании неких сдерживающих факторов, которые мешали ей, будучи скорей интуитивными (а своей интуиции она доверяла безраздельно). Ведь если бы это было действительно так, если бы, как утверждал Николай, она была для него самым важным, родным и близким человеком, разве бы возникла ситуация, подобная, например, той, которую они только что пережили?

Некий максимализм и острота восприятия происходящего при наличии живого чувства, еще не перебродившая неминуемо с течением времени, мешали ей рассматривать всё это через призму многогранности и видеть то, что невозможно узреть при одностороннем рассмотрении проблемы. Она упрямо возвращалась к терзающим ее вопросам, которые возникали вновь и вновь. Разве возможно было бы наличие тех непонятных и негативных жизненных штрихов, так сильно мучивших ее, о которых она вспомнила во время памятного тяжелого и неприятного разговора? Неужели Николаю не хотелось бы, так же, как и ей, иметь возможность быть рядом – по-настоящему рядом, а не фигурально? А может, всё это и есть то, главное, что придает отношениям тот неповторимый вкус сладости и горечи, который и делает их настоящими?

Столько вопросов – и ни одного ответа. Нике оставалось надеяться лишь на то, что время всё расставит по своим местам.

8

Несмотря на внешнее спокойствие и позитивный жизненный настрой, Николай тоже был очень одинок. К тому же во времена оные с ним случилась первая любовь, наложившая неизгладимый отпечаток на всю его судьбу.

Первая любовь – это счастье, некий рубеж, делящий дальнейшую жизнь на «до» и «после», важная веха земного существования человека, и вместе с тем – большое несчастье. Объясню, почему. Она оставляет в человеке такие оценки и впечатления, которые он часто против воли забирает в свою дальнейшую жизнь в виде вечного груза. Это ощутимо мешает воспринимать других людей естественным образом, такими, какие они есть, в попытках сравнить его (или ее) с тем любимым (или любимой) и накладывает отпечаток на общение и взаимоотношения в целом. Говорят, любовь часто проходит естественным путем, умирая от возраста или изживая саму себя и оставляя мертвое поле, выжженную пустыню. И всё же она оставляет на сердце человека отметины, с которыми он и живет весь дальнейший отрезок времени, отмеренный ему Господом.

О пережитой Николаем первой любви, в некоторой степени трагичной, Ника догадывалась исподволь, случайно слыша от него образные, сравнительные ассоциации в виде каких-то слов или обрывков фраз, словно вымученных долгими думами и высказываемых, наконец, вслух; он замолкал, полуприкрыв глаза, заволакивающиеся туманом нездешности. Это трудно объяснить, но ведь Ника была женщиной, и интуиция подводила ее весьма редко (чаще всего это случалось тогда, когда она попросту пренебрегала ею).

Ника знала, что та, другая, была намного старше Коли, к тому же – замужем, и этот брак, в отличие от Никиного, был удачным, поэтому та женщина не хотела ничего менять. Но, возможно, и не желая того, она незаметно увлеклась красивым и мужественным юношей, которому едва исполнилось тогда восемнадцать лет. Благодаря ее опытным ласкам его неуклюжесть постепенно превращалась в силу, а собственная ложь в будущем оказывалась для него сродни правде (сердце Ники сполна успеет насытиться горечью и болью прежде, чем к ней придет понимание всего этого). Именно та женщина в конечном итоге приняла решение о расставании, делая многочисленные попытки убедить Николая в эгоистичной мудрости своего поступка, и, в конце концов, ей удалось сподвигнуть его на это; лишь спустя годы он смог до конца понять и принять эту мудрость.

Ника понимала: та, другая, давно ушла из его жизни. И всё же ей иногда казалось, что след той любви слишком глубок и неизбежен (что абсолютно соответствовало действительности), что Николай до сих пор любит ее, мучительно и безнадежно... Она не ревновала к прошлому, нет! – ей лишь хотелось помочь освободить его сердце из ледяного плена пустоты, из каменных тисков страдания.

В письмах Николаю Ника приоткрывала многие прекрасные стороны жизни, легко касаясь их и так же легко преподнося их ему, стараясь оставить светлый след в его душе от каждой своей весточки. Она делала это еще и для того, чтобы в последующих беседах можно было развивать затронутые в письмах темы, дабы узнать как можно больше о его внутреннем мире: что ему нравится, к чему лежит сердце, что ему по душе, а что вызывает раздражение, недоумение, неприязнь. Ей очень хотелось поделиться с ним и своим внутренним миром – тем, чем она жила, чем дышала, о чем думала.

На память пришла фраза, где-то услышанная или прочитанная (Ника уже не помнила, откуда она взялась), фраза, содержащая в себе дословно следующую мысль: счастье приходит тогда, когда чувство любви не требует обратной связи. Ника часто задумывалась над ней, делая попытки приложить данное высказывание к реальной жизни, и не вполне осознавая глубинный смысл сей мудрой мысли. Только теперь, когда она держала на ладони ниточку этой при-

вязанности, когда ей хотелось отдавать, ничего не требуя взамен, смысл сказанного стал удивительно ясен.

* * *

Если внутри человека сияет свет, он никоим образом не должен подавлять свою жизненность, свою естественную энергию, в попытках соответствовать столь многим требованиям и ожиданиям нашего обусловленного общества, мнению людей. Ему необходимо найти целетельную отдушину, чтобы в душе не произошло необратимых изменений. Такой отдушиной и стала для Ники связь с дорогим ей человеком. Она ценила каждый прожитый, мысленно или реально, эпизод жизни, каждую частичку времени.

Ведь время – это волшебник, создающий иллюзию, в которой движение складывается из миллиардов отдельных кадров, маленьких событийных или созерцательных пазлов. Без движения времени мы, возможно, застыли бы в каждом проживаемом моменте настоящего, так считают философы; но, по счастью, это невозможно, ибо природа жизни человеческой обусловлена прогрессивными процессами видоизменения и движением вперед, порой хаотичным и спонтанным, но не лишенным Вселенской Гармонии. Человеку очень повезло: даже при безумном его желании продлить мгновение, в котором он был столь безоблачно счастлив, он не сможет этого сделать. Ему остаются лишь воспоминания, воскрешаемые из недр памяти.

Невозможно, немислимо быть постоянно на вершине – это противно человеческой природе. Именно поэтому, вследствие их уникальной редкости, мы имеем возможность оценить прекрасное в жизни и ощутить истинное счастье.

9

Вы когда-нибудь наблюдали приход ночи? Наступление вечера? Осязали магическую красоту полночи, слышали песню рассвета?

Людам кажется привычной смена времени суток, как и времен года; это настолько естественно, что мы перестаем их замечать, ограничиваясь событиями маленького мирка собственной жизни, погрязая в проблемах и несчастьях, стремясь к удовольствиям и доступным нам радостям. Но для того, чтобы попытаться увидеть и почувствовать земную красоту, в полной мере ощутив ее неземное величие, необходимо остановиться и оглядеться вокруг. В современной жизни таких возможностей не слишком много, и возникают они разве что в силу обстоятельств.

* * *

Ника сидела на крыльце дачного дома, наслаждаясь тишиной подмосковной ночи, глядя в глубокое темное небо, испещренное мириадами звезд, вдыхая пряные запахи уснувшего сада. Ванюша давно спал, устав от множества впечатлений целого дня, свернувшись калачиком в маминой постели.

Нике же не спалось. Ей хотелось впитать в себя всю прелесть летней ночи: пьянящие запахи, насыщенные прохладой и напитанные густыми оттенками цветочных ароматов летнего дня, ночные звуки: шорох упавшей ветки, шуршание травы под лапками пробегающего тропинкой симпатичного лесного ежика, живущего где-то недалеко, совиное уханье, внезапно пронзающее темноту ночи утробными звуками, далекие крики ночных птиц; красоту глубокого неба, наполненного звездным мерцанием, словно драгоценностями в витрине, обитой темным бархатом, где едва уловимый, с трудом заметный глазу Млечный Путь, наполненный мелкой звездной россыпью, располагался прямо над головой... Особенно четко был виден прозрачный ковш Большой Медведицы,⁹ слегка наклоненный вправо, а Полярная звезда светилась прямо над головой.

Июль уже подходил к концу; миновав середину, лето шло на убыль. Ночи становились темней и прохладней, но летняя пора была еще в разгаре, ее ощущение пока не покидало душу. Ника вместе с сыном радовалась каждому проживаемому дню, каждому его мгновению, видя, как здесь замечательно и комфортно ребенку, как он резвится, напиваясь силой и молодой энергией на свежем воздухе.

Она вставала рано. Ей нравилось встречать утро во дворе, наблюдая за восходом солнца, вдыхая еще прохладный после ночи утренний свежий воздух. После водных процедур она неспешно завтракала, нежась в ласковых солнечных лучах и наслаждаясь созерцанием чудесного летнего утра. Спустя некоторое время, отпущенное для совершения необходимых ежедневных дел, которые всегда имели место, она кормила сытным завтраком проснувшегося ребенка; потом проводила вместе с ним на улице весь день – до голубоватых летних сумерек, что ближе к вечеру охватывали весь окружающий пейзаж, сменяясь затем настоящей, густой темнотой летней ночи, когда стихало всё вокруг, а резкий аромат жасмина смешивался с благоуханием цветков каприфоли; когда замолкали птицы, и луна цвета слоновой кости, неспешно выплывающая из-за горизонта, освещала подвластный ей мир, двигаясь по небесной траектории, словно в темном омуте, подобно страннику, спешащему в свой дом по кромке небесного берега... Всё приобретало сказочные очертания, а безмятежность звезд и тишина, повисшая в

⁹ *Неизвестная*. Столько людей живут, не видя ее [Большой Медведицы].

мире, звучали магической музыкой и околдовывали. Что-то роднило Нику с живой поэзией этих ночей, она ощущала трепет души, какие-то едва уловимые оттенки своих душевных переживаний с далекими отголосками счастья.

Часто, уложив сына спать, Ника проводила вечера на крылечке дачного дома. Бывало, погода портилась: дождь, зарядивший с утра, шел сутки напролет, поднимался ветер, качая верхушки деревьев, потемневший сад вздымался и опадал, напоминая собой бурное море. Ближе к утру всё стихало; просветлевший воздух был напоен прозрачной свежестью, промыт холодной дождевой завесой; утренний туман стелился кружевным покрывалом, постепенно исчезая в лучах восходящего солнца. Утро наполнялось ароматами цветов, листвы и хвои до самого края, вливаясь в раскрытые окна; в небесном перламутре летели облака, уплывая мгlistой дымкой, растворяясь в туманной вышине... Выходило солнце.

Ника любила такие утра, они настраивали ее на поэтический лад, немного сентиментальный, но не лишенный искорок радости и умиротворения. В определенной степени она ощущала себя в единении с природой, наслаждаясь ею в полной мере. Она много читала, писала стихи и письма, делала заметки в тетради, размышляла, всеми силами стараясь использовать подаренное судьбой время с максимальной пользой.

Когда человеку становится скучно наедине с собой, это означает, что у него окончился внутренний диалог. С Никой ничего подобного никогда не происходило: ей всегда было чем занять себя, о чем поразмыслить, что сделать. Она была убеждена в цельности и насыщенности человеческой жизни, в необходимости ее переполнения эмоциями, из которых можно черпать силы и энергию для дальнейшего существования в нашем мире, пусть даже мысленно выходя порой за пределы и иллюзий, и реальности.

Живя за городом, будучи отрезанной от мира привычного общения, она не слишком от этого страдала в силу собственной самодостаточности, в некотором роде интровертности и, конечно, живущего в сердце чувства. Напротив, ей нравилось быть наедине с собой, при этом она чувствовала себя как дома, в тишине и покое, насколько это было возможно в тех условиях, в которых она жила. Хотя события в ее судьбе складывались не совсем так, как ей хотелось бы, всё же временами накатывало ощущение спокойствия всем тем, что принесла ей жизнь, что, несомненно, радовало ее, и она старалась его сберечь.

Впрочем, фрагментов, нарушающих эту гармонию, было предостаточно. Одним из них являлась горечь расставания с дорогим сердцу человеком и неизвестность всего того, что суждено им пережить в дальнейшем. Она много и часто думала об этом. Всё пережитое в городе виделось ей теперь в десятки раз ярче и ближе, чем было на самом деле, и эти мысли приносили немалую долю смуты в ее сердце и в ту размеренную дачную жизнь, которую в этот период времени она вела.

* * *

Время текло вперед. На горизонте замаячил август вместе с перспективами окончания летнего дачного сезона и поиска работы, а также подготовки сына в следующий класс. Ника приучала себя к мысли, что вскоре придется возвращаться в Москву, в столь привычную среду обитания, где всё пойдет обычным чередом. Впрочем, разве человеку дано предугадать грядущие изменения его жизни? Ника прекрасно понимала, что они не преминут случиться; только вот как скоро и какого рода они будут, этого она, само собой, предугадать не могла. Хотелось одного: жить спокойно и свободно от негативных эмоций, без горечи, без ощущения потери, без камня на сердце.

Все закономерности, происходящие с нами, случайны, все случаи закономерны, и мы не отдаем себе отчета в том, какой случай сможет изменить нашу жизнь, каким ветром пригонит

его к нам, к какому берегу нас потом прибьет, и как мы будем действовать в той или иной сложившейся жизненной ситуации.

В дачный период жизни Ники общение с Николаем большей частью сводилось к переписке телефонными сообщениями, инициатором которой, как правило, являлась Ника. Впрочем, несколько раз они весьма коротко поговорили по телефону: Николай уверял, что скучает, спрашивал о планах подруги относительно приезда в Москву, но никаких конкретных предложений от него не поступало. И Ника не торопилась приезжать, понимая, что у него, по-видимому, есть более важные дела, которыми он плотно занят, и всё же лелея надежду на возвращение былого счастливого времени, веря в то, что время это ушло не безвозвратно.

* * *

Тихим августовским вечером, уже в преддверии сентября, уложив сына отдыхать и выйдя во двор подышать прохладным вечерним воздухом, Ника попыталась настроиться на романтический лад, чтобы ощутить последние дуновения лета, но никак не могла сосредоточиться: сердце ныло и томилось неясными, словно мороком его окутывающими, предчувствиями.

День не задался с самого утра. Готовя завтрак, в задумчивости сделав неловкое движение, она уронила большую стеклянную банку с гречневой крупой. Банка разбилась вдребезги, а крупа мгновенно рассыпалась тонким слоем по полу террасы. Нике пришлось долго и тщательно выметать осколки, перемешанные с гречкой. Позже, ближе к полудню, из ее рук выскользнула кружка с бульоном, который она сварила для сына. Дважды за день она поранила руку; пришлось обработать раны и сделать перевязку, чтобы не попала инфекция. В довершение всего случайным взмахом руки она задела наполненную солью деревянную солонку, которая опрокинулась, упала со стола и раскололась надвое. Ника увидела в этом дурное предзнаменование.

Наконец этот беспокойный и хлопотливый день остался позади. Ванюшины разбитые коленки и ссадины на локтях залечены, книжки перед сном прочитаны, посуда вымыта, вещи разложены по местам, в доме водворен порядок. Но Нику не отпускала тревога, неясные сомнения терзали ее сердце. Она пребывала в грустном расположении духа, не имея психологической возможности подбодрить себя, чувствуя необходимость поддержки любимого человека.

Не выдержав его молчания, поняв, что больше не в состоянии не слышать его голос, сильно волнуясь, она набрала хорошо знакомый номер телефона. Эмоции захлестнули жаркой волной, когда она услышала родной голос, доносящийся откуда-то издалека:

– Аллю.

Она судорожно сглотнула, прежде чем ответить.

– Здравствуй, Коленька...

– Здравствуй, мой Лучик. Я очень рад тебе.

Почувствовала его улыбку, мягкий тембр голоса обволакивал сердце, проникая в самую его середину. Улыбнулась в ответ, захотелось обнять его, прижаться крепко-крепко...

– Как поживаешь? – Спросила тихо, боясь, что от избытка нежности сорвется голос. – Что у тебя нового происходит?

– Ничего особенного, – голос ровный, немного усталый. – Вот ты позвонила. Это очень хорошо, что ты позвонила.

Последняя фраза была произнесена после паузы голосом человека, словно обремененного нелегкой ношей. Это озадачило Нику.

– Почему ты вздыхаешь? Что-нибудь случилось? – забеспокоилась она.

– Нет, ничего. Просто устал.

Помолчали. Ника хотела ласково посетовать любимому на то, что он не звонил столько времени, и тихо проговорила:

– Я... не могла не позвонить, и очень надеялась, что это всё-таки сделаешь ты... Столько времени прошло! Я так ждала...

– Я не могу звонить тебе. Мне кажется, мы это уже обсуждали, – вторя ей, тихо, но как-то безлично проговорил он.

– Да, я понимаю... – ответила она. – Но поверь: моему мужу нет никакого дела до того, кто звонит его жене. К тому же... мы с сыном живем сейчас на даче, Антон приезжает сюда редко. Здесь особенно остро ощущается уединенность... Мысли разные в голову приходят. Мне очень не хватает тебя, твоего голоса... – помолчав, добавила она.

– Какая разница, кто кому звонит, Никуш? – оборвал он ее. – Позвонила ты – вот и молодец, мы разговариваем. Так разве это плохо?

– Нет, конечно же, это не плохо. Это просто замечательно! Позволь всё же тебе напомнить мудрую народную поговорку: «Человек, который хочет что-то сделать, ищет для этого возможность, а тот, который не хочет, ищет причину». Не слишком ли это напоминает нашу ситуацию? – В негромко звучащем голосе Ники слышались нотки горькой иронии. – Сколько времени мы не виделись? Я сбилась со счета, отсчитывая дни и недели...

– Ты считаешь, я ищу причины, чтобы с тобой не общаться? – голос Николая стал напряженным. – Хочешь, чтобы я считал себя виноватым? Тебе это нравится?

Ника уловила в зазвучавшем отрывисто тоне его голоса металлические нотки. Ей стало не по себе.

– Послушай, я позвонила вовсе не для того, чтобы ссориться! – поспешила она оправдаться. – Я соскучилась по тебе. И очень надеялась, что это взаимно. Всё это очень грустно... – Ее попытка сгладить неприятные ассоциации мягким тембром голоса не увенчалась успехом, усилия пропали втуне.

– Ты полагаешь, – его тон отнюдь не стал мягче, – что скучаешь только ты одна, а я не человек, а деревяшка?

– Я вовсе так не думаю, ничего подобного! – воскликнула Ника с упавшим сердцем. «Тогда почему же от тебя ни слуху, ни духу?» – хотела она добавить, но сдержалась, посчитав излишней произносить эту тираду вслух.

Несказанное слово есть тишина, а тишина – это ничто, отсутствие дополнительных выяснений и объяснений. Слово – серебро, молчание – золото.

И всё же разговор, столь долгожданный для Ники, принимал неожиданный и неприятный поворот, которого она явно не ожидала. В ней боролись многие чувства, в числе которых были страсть, обида, неуверенность и страх разрушить то, что она кропотливо создавала и поддерживала в течение длительного времени. Она перевела дух и попыталась всё же пояснить Николаю свой взгляд на сложившуюся ситуацию.

– Мне кажется, если человек тоскует по другому человеку, он обязательно это как-то обозначит. Разве нет? Ты ведь знаешь, с каким нетерпением я жду от тебя любых весточек! Кроме того, я пишу тебе довольно часто – два раза в неделю! – по объемистому письму, и специально хожу на станционную почту отправлять их. Ты ведь получаешь мои письма?

– Да, – равнодушным и бесцветным, как ей показалось, голосом ответил он.

– Я одна не могу быть вечной движущей силой в отношениях между нами! Очень хочется диалога, Коленька. Ну, ответь мне: неужели я не права?

– Да нет, почему же!.. Ты всегда права. – И, после паузы: – А я, получается, всегда неправ.

Ника растерялась. Почему он так реагирует на ее слова, словно она нападает, а он вынужден защищаться, причем так безапелляционно, отмечая какие бы то ни было доводы? Почему он не слышит ее? Может быть, она действительно неправа? В чем же?!

Она стала лихорадочно искать выход. Возможно, размышляла она, не стоило пытаться назойливо высказывать свою точку зрения, достаточно было вскользь охватить какие-то общие темы, порадоваться друг другу и наконец-то состоявшемуся разговору. Но эти соображения,

озвученные Николаю столь смело и неожиданно даже для самой себя, приходили в ее голову ежедневно по сотне раз, не получая отклика, не находя выхода, никак не разрешаясь в связи с отсутствием диалога между ними. Да и кому, как не близкому человеку, можно высказать свои опасения, тревоги и переживания? Какой смысл в близких отношениях, если нельзя поделиться сокровенным? Ее душа жаждала пролить свет на этот ворох нерешенностей и недосказанностей, ее слова были продиктованы именно этим желанием, только и всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.